

- ¹⁰⁸ Иосиф Флавий, Иудейская война, VII. 10. 2. 421: “видя неизменную склонность иудеев к мятежу и опасаясь, как бы не собрались они снова все вместе и не привлекли еще и других на свою сторону, приказал Лупу разрушить храм иудеев в общине Онии” (пер. А. Вдовиченко).
- ¹⁰⁹ Завещание XII патриархов, Иосиф, 19. 12: “Моего же царства, которое в вас, не станет, словно сторожки в саду, что уничтожается по прошествии лета”. Ср. о Мессии “сын Иосифа” (страдающем Мессии) – ТВ Санх 98б, Пси. Р. 162б. См. также, например: *Sholem G. The Messianic Idea in Judaism* Shoken N. Y., 1971. Ch. 1: “Understand Jewish Messianism”.
- ¹¹⁰ Завещание XII патриархов, Иссахар 5.7.

СЕКВЕНЦИИ АДАМА СЕН-ВИКТОРСКОГО

М.Р. Ненарокова

СЕКВЕНЦИИ АДАМА СЕН-ВИКТОРСКОГО КАК ЧАСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ВИКТОРИНЦЕВ

ИМЯ АДАМА СЕН-ВИКТОРСКОГО, весьма талантливое поэта и композитора XII в., связано с созданием так называемой правильной секвенции, исполняющейся в центральной части латинской миссы. Сияние его славы оказалось, однако, так велико, что оно скрыло жизнь человека по имени Адам от людских глаз. Имя поэта редко появлялось в текстах его современников, хотя секвенции Адама исполнялись постоянно. В анонимной сен-викторской хронике конца XII в. он был назван учеником второго настоятеля монастыря Гильдуина (ум. 1155 г.)¹. Рикард Сен-Викторский (ум. 1175 г.), знаменитый мистик, принадлежавший к третьему поколению ученых викторинцев, цитируя одну из секвенций Адама, назвал его “выдающимся поэтом”, хотя и не упомянул его имени². XIII век оставил нам свидетельство о чуде, записанное доминиканцем Фомой из Кантимпрэ: «...досточтимый наставник Адам, каноник [монастыря] Сен-Виктор в Париже, в то время как он диктовал секвенцию “*Salve, Mater Salvatoris*”, произнес следующий стих песнопения, а именно: “*Salve, Mater Pietatis, / Et totius Trinitatis / Nobile Triclinium*”. Преславная Дева, явившись ему, и словно бы благодаря за хвалу и почесть, пока он размышлял, приветствуя его, склонила голову в глубочайшем смирении»³. Однако уже в XIV в. викторинец Гийом из Сен-Ло, желая написать биографию Адама, вынужден был прибегнуть к вымыслу⁴. Единственным

фактом, приведенным Гийомом, который совпадает со свидетельством безымянного хрониста, является обучение Адама Гильдуином. Долгое время дату смерти Адама относили к концу XII в., основываясь именно на тексте Гийома из Сен-Лю.

Впервые о том, кто же такой был Адам, в конце XIX в. высказал предположение Ф. Боннар, автор до сих пор не устаревшей истории монастыря Сен-Виктор. Он писал, что Адам Сен-Викторский и некий Адам Прецентор Парижа – одно и то же лицо⁵. Исследования парижских грамот, некрологов и сборников секвенций XII в., выполненные М. Фасслер, подтвердили эту гипотезу и помогли восстановить некоторые факты из жизни поэта⁶.

Адам происходил из состоятельной семьи. Известны имена его родителей – Беатрис и Гунтхер. После их смерти Адам оставил собственность “ради [поминовения] душ [Гунтхера] и Беатрис”⁷ и собору Нотр-Дам, и монастырю Сен-Виктор как от своего имени, так и от имени родителей⁸. К 1107 г., когда была найдена первая грамота, подписанная именем Адама, он уже был прецентором, т. е. регентом, главой певческой школы, собора Нотр-Дам. С 1108 по 1134 г. Адам продолжал подписывать соборные грамоты. По мнению Ф. Боннара, Адам был ключевой фигурой событий начала 30-х годов, полностью изменивших отношения между собором Нотр-Дам и монастырем Сен-Виктор. Стефан Гарландский, канцлер короля Людовика VI и архидиакон собора Нотр-Дам, попытался сосредоточить в своих руках власть, равную власти епископа или превосходящую ее. Одним из главных противников Стефана Гарландского был Стефан из Санлис (Senlis), епископ Парижский и покровитель монастыря Сен-Виктор. Стефан из Санлис обеспечил для монастыря пребенду, собственность, приносившую доходы и предоставлявшую определенные привилегии, и предложил ее Адаму. В течение 20 лет Адам занимал высокое положение среди соборного духовенства, будучи фактически вторым лицом после настоятеля Нотр-Дам. Хотя его прозвище “precentor” – регент, глава хора – не указывает с определенностью на то, что Адам был композитором, однако тесная связь музыки и текста в некоторых секвенциях подтверждает, что он был автором не только слов, но и мело-

дии⁹. Как регент Адам вполне мог быть одаренным музыкантом и возглавлять школу певчих, но в его обязанности могла входить и административная деятельность (составление грамот, ведение дел соборного священства), и обучение более старших студентов¹⁰. При этом его связи с монастырем Сен-Виктор не прерывались. Доходы от пребенды Адам передал монастырю, и этот его поступок вызвал яростное негодование его непосредственного начальства. История с дарением закончилась убийством приора монастыря Фомы Сен-Викторского. Трудно сказать, когда Адам покинул собор и переселился в монастырь. В двух монастырских грамотах (30–40-е годы) появляется его имя, но новый прецентор собора, Альберт, подписывает грамоту только в 1146 г. Из-за трагических последствий, вызванных дарением Адама, можно предположить, что он переехал в монастырь после передачи туда своих доходов в 1133 г. и скончался там же в конце 40-х годов. Адам был знаком с Гуго Сен-Викторским и, вероятно, учился вместе с ним у Гильдуина¹¹. Этим может объясняться его привязанность к монастырю Сен-Виктор.

Монастырь Сен-Виктор играл немалую роль в том, что Париж в XII в. стал одним из главных центров образования и культуры в Европе. Начало монастырю положила небольшая община, которую, как рассказывает Роберт из Торины, возглавил Виллельм из Шампо, “архидиакон Паризийский, муж весьма образованный и благочестивый, приняв образ жизни каноника с некими своими учениками”¹². Свидетельство Роберта подтверждается и письмом некоего студента, прибывшего в Париж из Германии, ученика Виллельма (1109 г.): “Он, хотя был архидиаконом и почти первым [лицом] у короля, оставив все, чем владел, в прошлую Пасху отправился в некую весьма бедную церковку, чтобы служить Одному лишь Богу”¹³. Таким образом, датой основания монастыря может считаться 1108 г., когда Виллельм и его ученики поселились на левом берегу Сены вне стен Парижа у маленькой церковки св. мч. Виктора и при покровительстве и помощи королевского дома начали строительство обители. Кроме того, что Виллельм занимал очень высокий государственный и церковный пост, он был в свое время наиболее известным парижским наставником и возглавлял школу при соборе Нотр-Дам.

Одним из его учеников был Петр Абеляр, приехавший в Париж около 1098 г. и в течение последующих 15-ти лет пытавшийся вытеснить Виллельма и занять его место среди парижских наставников¹⁴. Трудно сказать, что побудило Виллельма оставить высокие посты и королевский двор. Однако, решив основать монастырь, он не оставил преподавания. Письмо упомянутого выше немецкого студента свидетельствует о том, что школа Виллельма переместилась в Сен-Виктор вместе с наставником. Прошел всего год: “И уже столь великое усердие царит как в Божественных, так и в человеческих знаниях, и я не видел и не слышал, чтобы в мое время таковое усердие было где-либо на земле”¹⁵. Виллельм быстро получил епископство, и настоятелем Сен-Виктора стал его ученик и единомышленник Гильдуин, при котором сен-викторская школа оформилась окончательно и приобрела европейскую славу. По словам Роберта из Ториньи, “в его настоятельство многие благородные клирики, наученные мирским и Божественным наукам, сходились, чтобы пребывать в этом месте”¹⁶. Среди них, по свидетельству анонимного хрониста монастыря, был и Адам. Соучеником Адама был “Гуго Лотарингский, [прославившийся] и знанием наук, и смиренным благочестием”¹⁷, будущий наставник школы, чьи труды оказали огромное влияние на средневековую богословскую мысль.

Гуго, позже известный не по месту своего рождения, а по монастырю Сен-Виктор, где он вел монашескую жизнь и преподавал до своей кончины (20-е годы XII в. – 1141/2)¹⁸, отразил образовательную программу школы в своей книге “Дидаскаликон, или Об усердии к чтению”. В свое время Абеляр обвинял Виллельма де Шампо в том, что он нарушает обет отречения от мира, допуская в монастырскую школу не только братию, но и студентов из мира¹⁹. Однако Правило св. Августина, принятое в монастыре Сен-Виктор, допускало такую открытость. Как следует из трактатов, написанных августинцами, и из их комментариев к Правилу, главная цель создания “ордена каноников-[августинцев]” состояла в том, чтобы “укоренить жизнь людей в католической вере, научить их согласно законам и нравственности Отцов”²⁰. Каноники должны были “отличаться тем же, что они проповедуют другим”²¹, поэтому в их произведениях часто

встречается выражение “docere/instruere verbo et exemplo” – “учить/наставлять словом и примером”²². Так, в “Объяснении правила св. Августина” у Гуго Сен-Викторского читаем, что старшим братьям должно заботиться об “улучшении и исправлении”²³ остальных, что клирики, имеющие более высокий сан и положение в Церкви, должны “охраня[ть] хорошо упорядоченное, исправля[ть] заблуждения, словом и примером воспитыва[ть] жизнь и обычаи подчиненных”²⁴. В уже упомянутом “Дидаскаликоне” Гуго выражал мысль, что образование, как светское, так и богословское, является необходимой ступенью для восстановления в человеке образа Божия, затемненного грехопадением: “...все искусства побуждают к тому, стремятся к тому, чтобы в нас возобновилось подобие Божие...”²⁵

Однако состав приходящих в монастыри в XII в. изменился. Монашеская община перестала быть более или менее однородной. Все больше людей принимало постриг в зрелом возрасте. Более старшим членам общины требовалось найти способы помочь новым насельникам, имеющим опыт мирской жизни, войти в новую для них среду, объяснить им, что такое монашеская жизнь и какова ее цель, сообщить им средства достижения этой цели²⁶. Не все новопришедшие были одинаково образованны. Как кажется, для многих религиозное образование начиналось во время церковных служб, и тут Адамовы секвенции оказывались чрезвычайно полезными, поскольку в них основы христианского вероучения преподавались слушателям при помощи ярких, запоминающихся образов, сжато, но ясно.

Часть миссы, в которой исполнялись секвенции, между апостольским и евангельским чтением, обеспечивала этим песнопениям внимание присутствующих на службе. Со времен раннего христианства между чтением отрывков из Апостольских посланий и Евангелия исполнялись два песнопения: градуал, гимн, написанный на тему псалмов и менявшийся день ото дня, и “Аллилуиа” (др.-евр. “хвалите Господа”). “Аллилуиа” имело диалогическую форму. Уже в период раннего Средневековья это песнопение исполнялось следующим образом: солист пел “Аллилуиа”, хор повторял его, но последнее “а” тянулось долго и отличалось особенно красивой, замысловатой мелодией (“Jubi-

lus”). Затем солист пел подобранные к случаю стихи из Псалтири (“Versus Alleluaticus”), а хор после каждого стиха отвечал ему сочетанием “Аллилуиа” и “Jubilus”²⁷. В IX в. о значении “Jubilus” в богослужении Амаларий Мецский, выдающийся литургист Каролингской эпохи, писал так: “Это радостное песнопение, которое певцы называют секвенцией, приводит наш ум в такое состояние, когда не нужно произносить слова, но одной лишь мыслью один ум являет другому, что он содержит в себе”²⁸. Известно, что около 851 г. к мелодии, на которую пелась последняя гласная “Аллилуиа”, впервые стали прибавлять текст. Первый сборник секвенций, имеющий литературные достоинства, был составлен сен-галленским монахом Ноткером Заикой (ум. 912 г.)²⁹. По своей структуре ранняя или так называемая каноническая секвенция состоит из начальной строфы, стоящей сама по себе, за которой следует серия пар строф, завершаемая второй самостоятельной строфой (A//BB//CC//DD//...//X). Отличительная черта этой поэтической формы состоит в том, что любая строфа, взятая сама по себе, является просто отрывком прозаического текста, напечатанного строками, отражающими фразовую структуру музыки, на которую он – текст – положен³⁰, причем один слог текста соответствовал одной ноте мелодии. В XII в. проза уступает место правильному в метрическом отношении стиху. Многие секвенции представляют собой серию совершенно одинаковых по форме зарифмованных трохеических строф из 4, 6, 8 строк из 8 слогов и своеобразного припева из 7 слогов (например, aabccb)³¹. Долгое время секвенция не входила в неизменяемый текст миссы, но в середине X в. секвенции начали собирать в циклы из 60–70 текстов, которые стали систематически соотноситься с определенными событиями церковного года³².

Повторяющиеся от недели к неделе, из года в год тексты в доступной форме несли в себе основы христианского вероучения, которые усваивались легче, потому что запоминанию помогала музыка. Традиция запоминания важных текстов, положенных на музыку, существовала еще в античности. Так, в Древней Греции был распространен особый песенный жанр – “ном” (“закон”). В трактате III в. до н. э., приписывавшемся Аристотелю, говори-

лось, что “люди, прежде чем научиться грамоте, пели свои законы, чтобы не забывать [их]”³³. У терапевтов, одной из иудейских сект, предваривших христианство, было в обычае пение стихотворного катехизиса³⁴. Согласно св. Василию Великому, произведения которого были известны в западной Европе уже в раннее Средневековье, “Святой Дух соединил благозвучие мелодии с учением так, чтобы мы неумышленно впитывали благо, [содержащееся] в словах, через мягкость и непринужденность услышанного, точно так, как искусные врачи часто смазывают чашу медом, давая привередливому [больному] выпить некое горькое лекарство. Так Он придумал для нас эти гармонические мелодии псалмов, чтобы те, кто является детьми по своему фактическому возрасту, а также те, кто неопытен по поведению, думая, что всего лишь поют, в действительности воспитывали свои души. Ибо никто из этого множества равнодушных людей, покидая церковь, не удержит в памяти высказываний апостолов и пророков, но именно тексты псалмов поют они дома и распространяют на базарной площади”³⁵. Та же мысль выражена и Боэцием в его трактате “О музыкальном установлении”: “...никакая дорога к душе не открыта больше для наставлений, чем та, которая [доступна] слуху”³⁶. Поскольку музыку как часть квадривиума в XII в. изучали именно по Боэцию³⁷, можно с уверенностью сказать, что Адам сознательно писал свои секвенции не только как хвалу Богу, но и как средство воспитания слушателей.

Как уже говорилось выше, в монастыри приходили взрослые люди с определенным жизненным опытом, полученным в миру. Согласно средневековым христианским представлениям, именно религиозная музыка помогала человеку бороться со страстями, создавала некую преграду между ним и суетным миром, который он покинул. Боэций писал: “Если правдоподобно, что от миролюбивого состояния души можно разойтись до дикости и гнева, то нет сомнения в том, что более благопристойная мелодия могла бы смирить гнев расстроенного рассудка или чрезмерное желание”³⁸.

Считается, что средневековая религиозная музыка должна была быть “аэмоциональной”³⁹, чтобы не отвлекать слушателей от проникновения в смысловую глубину текста. По сравнению с

музыкой Нового времени (XVI–XIX вв.) она действительно не вызывает сильных душевных переживаний, но тем не менее ее нельзя назвать совсем лишенной чувства. Еще античность знала связь различных регистров звучания с определенной эмоциональной окраской: “...низкий регистр воспринимался как олицетворение спокойного, естественного и величественного состояния, а верхний, наоборот, как воплощение напряженности и возбужденности”⁴⁰. Возможно, средневековая музыка унаследовала это знание от античной. Так, соотношение музыки и текста в Адамовой секвенции на праздник св. мч. Лаврентия “Prunis datum”⁴¹ – “Отданного горящим углям...” – позволяет предположить, что музыкальное сопровождение текста должно было рождать некий отклик в душах слушателей.

Словесную ткань секвенции “Prunis datum” – “Отданного горящим углям...” – можно разделить на несколько частей, соотносимых с изменениями музыкальной ткани. Первая часть включает в себя три строфы по 6 строк, содержащие призыв славить мученика и буквальное и метафорическое описание его подвига. Это экспозиция, призванная привлечь внимание слушателей к происходящему и сформировать у них общее представление о причинах прославления святого. Если опираться на последовательность нот, называвшихся в средневековой дисциплине о музыке “полной совершенной системой” (интервал от ля малой октавы до ля II октавы)⁴², то мелодия первой части секвенции укладывается в тетра хорды средних (интервал от ми I октавы до ля I октавы) и разделенных (интервал от си I октавы до ми II октавы) с заходом в тетра хорд нижних (интервал от ля малой октавы до ми I октавы). Согласно упоминавшемуся выше античному восприятию регистров, в начальной части секвенции должно создаваться ощущение величавости, спокойствия и, возможно, уверенности в своей правоте. Четвертая и пятая строфы секвенции представляют собой описание мученичества святого, причем текст обращен не к слушателям, христианам, присутствующим на праздничном богослужении, а к одному из действующих лиц секвенции – мучителю Децию. Певец/хор и слушатели объединяются в противостоянии силам зла. Мелодия охватывает верхнюю часть тетра хорда разделенных (интервал от си I октавы до

ми II октавы) и нижнюю часть тетра хорда верхних (интервал от ми II октавы до ля II октавы). Повышение тона отвечает эмоциональному напряжению, связанному с изображением мук св. Лаврентия. В шестой и седьмой строфах говорится о Нетварном Свете: человек не может уверовать, “Si non eum radiaret / Luminis praesentia” – “Если его не осияет / Присутствие Света”. Мелодия остается в рамках тетра хордов разделенных и верхних, за исключением одного музыкального отрывка, где тон понижается (тетра хорд средних; интервал от ми I октавы до ля I октавы). В словесной ткани секвенции понижение тона соответствует отрывкам “nox obscurum” – “темная/мрачная ночь” (1-я строка 6 строфы) и “lumen daret” – “свет/зрение дал” (4-я строка 6 строфы). Хотя на первый взгляд эти два отрывка текста противоположны по значению, полностью 4-я строка 6 строфы читается так: “Neque caecis lumen daret” – “И слепым не дал света/зрения”, т. е. речь идет об отсутствии света, о тьме. Восьмой строфе, где высказывается мысль о бесстрашии перед лицом смерти тех, кто хочет жить со Христом, соответствует эмоциональное напряжение нижней части тетра хорда верхних (интервал от ми II октавы до ля II октавы). В девятой строфе тон поднимается еще выше, к верхней части тетра хорда верхних (интервал от ми II октавы до ля II октавы). Девятая строфа содержит метафору, восходящую к книге Иисуса сына Сирахова (Сир 27:5, “Сосуды горшечника испытывает печь, а праведных людей – искушение мучений”⁴³). Возрастающее эмоциональное напряжение в музыкальной ткани секвенции и соотносимая с ним развернутая метафора акцентируют наиболее важное для запоминания место секвенции: “Словно сосуды горшечников / Испытывает горнило и их / Вещество делает прочным; Так и огонь его [Лаврентия], обожженного, / Словно глиняный сосуд, сделавшегося крепким, / Соединил [со Христом] чрез стойкость” (9-я строфа). На протяжении десятой, одиннадцатой и двенадцатой строф эмоциональная напряженность мелодии постепенно ослабевает. Происходит понижение тона до тетра хорда средних (интервал от ми I октавы до ля I октавы). В словесной ткани секвенции это текст, снова адресованный певцом/хором и слушателями к “нечестивому мучителю” Децию. Он представ-

ляет собой проповедь, объясняющую богословский смысл подвига св. Лаврентия (уничтожение ветхого и возрождение нового человека, уподобленное изготовлению горчицы). Последняя, тринадцатая, строфа является молитвенным обращением к святому с просьбой о помощи и заступничестве. Часть мелодии, соответствующая первому полустиишу строфы, где содержится похвала святому, в основном охватывает тетра хорды разделенных (интервал от си I октавы до ми II октавы) и верхних (интервал от ми II октавы до ля II октавы), в то время как второе полустиише, содержащее прошения, поется на мелодию, охватывающую тетра хорд средних (интервал от ми I октавы до ля I октавы). От эмоционального напряжения мелодия вновь переходит к величавости, спокойствию и, как следствие, твердому упованию на помощь святого.

Как музыкальная, так и словесная ткань секвенции воспринимается на слух и, согласно учению самого известного из викторинцев – Гуго Сен-Викторского, воздействуя на воображение слушателя, формирует его память, а в конечном итоге воспитывает душу запомнившимися образами. Ибо “очищенный и обобщенный” “чувственный образ вещи”⁴⁴ посредством слуха перемещается в мозг слушателя и там превращается в воображение⁴⁵. По мнению Гуго, “воображение, из передней части головы переходя в среднюю, касается самого разумного вещества души и возбуждает различие, сделавшись настолько уже очищенным и тонким, что непосредственно соединяется с самим духом, сохраняя, однако, телесную природу и свойство”⁴⁶. “Чрез воображение умственных представлений”⁴⁷ формируется память и появляется знание.

Во время церковной службы присутствующие приобщаются к вечности, и приобщение это происходит через чувства, в основном через зрение и слух. В течение богослужебного круга перед глазами присутствующих проходит вся история человечества – от сотворения мира до событий недавнего прошлого, настоящего и будущего. Во время церковных служб вечность становится реальностью, в которой принимает участие каждый присутствующий в храме. Центральным событием каждой литургии является евхаристический канон – символическое вос-

создание евангельской Тайной вечери. В создании словесных образов Адаму помогает риторика, по словам Гуго Сен-Викторского, “наука, которая пригодна для убеждения”⁴⁸. Из всей сокровищницы риторического наследия Адам выбирает художественные средства, помогающие слушателям увидеть события прошлого мысленным взором. Подход Адама к материалу позволяет предполагать, что поэт разделял точку зрения Гуго Сен-Викторского на качество приобретаемых знаний: “...когда мы говорим о каком-нибудь искусстве, особенно если мы преподаем, все следует сводить к краткому изложению, чтобы облегчить понимание; <...> объяснение должно быть кратким и ясным, чтобы мы не смутили читателя более, чем просветили, весьма приумножая не относящиеся к делу соображения...”⁴⁹ Действительно, изображая происходящее или излагая христианские догматы, Адам отбирает только наиболее значимые детали для раскрытия их смысла, создавая яркие, легко запоминающиеся образы.

Поскольку богослужение связано со Священной историей, с одной стороны, и с вечностью – с другой, возникает необходимость донести до слушателей наиболее важные богословские идеи, последовательность событий из жизни Христа, Пресвятой Богородицы, святых и связанные с этими событиями понятия времени и пространства.

В Адамовых секвенциях нет указания на даты церковного календаря, но для средневековых слушателей его поэзии праздничные дни связывались в первую очередь с именами чтимых святых или событиями Священной истории. Слыша в первой строфе секвенции знакомое имя, присутствующие на богослужении могли примерно представить себе место дня в протяженности литургического года, тем более что дни памяти святых были непереходящими праздниками. Так, секвенция “De sancto Martino Turonensi” начинается с призыва “Сиону”, т. е. Церкви, радоваться, ибо это день, “Qua Martinus / Compar apostolis, / Mundum vincans, / Iunctus caelicolis / Coronatur”⁵⁰ – “В который Мартин, / Равный апостолам, / Победивший мир, / Присоединенный к небожителем, / Увенчивается”. Иногда первое полустиише содержит в себе характеристику дня: “Ecce, dies praeoptata, / Dies

felix, dies grata, / Dies digna gaudio – “Се, день предпочтенный, / День блаженный, день приятный, / День, достойный радости”, тогда как имя святого появляется во втором полустишии первой строфы (“*De sancto Vincentio Caesaraugustono*”): “*Nos hanc diem veneremur / Et pugnantem admiremur / Christum in Vincentio*”⁵¹ – “Мы в этот день почитаем / И сражающемуся дивимся / Христу в Винценте”. Сходным образом начинается и секвенция “*De s. Leodegario Augustodunensi*”⁵². Иногда Адам дает название праздника в первом полустишии секвенции: “*Gratulemur in hac die, / In qua sanctae fit Mariae / Celebris assumptio*” – “Возрадуемся в этот день, / В который было [Пре]святой Марии / Славное Успение”, а во втором полустишии сообщается, какое именно событие в этот день вспоминает Церковь: “*Dies ista, dies grata, / Qua de terra est translata / In caelum cum gaudio*”⁵³ – “Этот вот день, день приятный, / В который от земли Она перенесена / На Небо с радостью” (“*In Assumptione Beatae Mariae Virginis*”). При этом в сознании слушателей название праздника, выраженное многозначным словом “*assumptio*”, навсегда будет связано с его простым и понятным объяснением. О Рождестве Христовом также достаточно только упоминания: “*In natale Salvatoris / Angelorum nostra choris / Succinat condicio...*”⁵⁴ – “В Рождество Спасителя / Ангелов хорам наше / Творение вторит...” В секвенции “*In Resurrectione Domini*” (“*Sexta passus feria*”) одновременно называются и день Распятия Христа, и день Его Воскресения, причем переход от скорби к радости происходит в первом полустишии первой строфы, и далее скорбь уже не упоминается: “*Sexta passus feria / Die Christus tertia / Resurrexit*”⁵⁵ – “В пятницу умерший, / В третий день Христос / Воскрес”. Здесь точное указание на время связано с осуществлением пророчества Христа о Самом Себе (Ин 2:19-21). Это пророчество, как следует из Посланий св. ап. Павла, является основанием христианской веры (I Кор. 15:12-22), которое должно запоминаться сразу. Обычно в Адамовых секвенциях говорится о дне праздника, когда исполняется песнопение, поэтому слова “*hodie*” – “сегодня”, “[*dies*] *hodiernus*” – “[день] сегодняшний” встречаются у него довольно часто. Тем более сильное впечатление производит слово “*heri*” – “вчера”, с которого начинаются оба полустишия первой строфы секвенции

“*De s. Stephano protomartyre*”: “*Heri mundus exsultavit / Et exultans celebravit / Christi natalitia; / Heri chorus angelorum / Prosecutus est caelorum / Regem cum laetitia*”⁵⁶ – “**Вчера** мир ликовал / И, ликуя, праздновал / День Христова Рождества; / **Вчера** хор ангелов / Сопровождал Небес[ного] / Царя с радостью”. Вчерашняя радость делает еще более ощутимой сегодняшнюю трагедию.

В одной из пасхальных секвенций – “*In Resurrectione Domini*” (“*Mundi renovatio*”)⁵⁷ – праздник не ограничивается одним днем или пасхальной неделей. Пасха становится “обновлением мира” (“*mundi renovatio*”), весной, ибо “*Resurgenti Domino / Conresurgunt omnia*” – “С Воскресающим Господом / Воскресает все”. Хотя изображение пробуждающейся природы является метафорой, однако оно довольно реалистично: “*Caelum fit serenius, / Et mare tranquillius, / Spirat aura mitius, / Vallis nostra floruit*” – “Небо становится более ясным, / И море более спокойным, / Веет ветерок более кротко, / Юдоль наша расцвела”.

Некоторые события Священной истории происходили не только в определенное время, но и в определенном месте, как, например, Преображение. В секвенции “*In Transfiguratione Domini*”: “*Christus ergo, Deus fortis / <...> / Transformatus / In Thabor culmine / Glorificat hodie*”⁵⁸ – “Следовательно, Христос, Бог Крепкий, / <...> / Преобра[зившийся] / На вершине Фавора, / Славит[ся] сегодня”. Мир, как место действия, у Адама одушевлен: он “*gaudet*”⁵⁹ – “радуется” [“*In Nativitate Domini*” (In natale Salvatoris)], “*hilarescit*”⁶⁰ – “веселится” (“*De sancto Petro*”), “*exsul[tat]*”⁶¹ – “ликует” (“*De s. Stephano protomartyre*”) вместе с присутствующими на праздничном богослужении, причем зримо выражает свою радость. Так, в день Рождества Христова “*Caeli rorant, nubes pluunt, / Montes stillant, colles fluunt*”⁶² – “Небеса источают росу, облака источают дождь, / Горы сочатся, холмы струятся [влагой]” [“*In Nativitate Domini*” (Iubilemus Salvatori)]. Мир содержит в себе “*cuncta*”⁶³ – “все” [“*In Pentecoste*” (“*Qui procedis ab utroque*”): “*Caelum, terram, maria*”⁶⁴ – “небо, землю, моря” [“*In Assumptione Beatae Mariae Virginis*” (“*Ave, virgo singularis*”)]. Однако мир может сужаться до “храма сердца” (“*templum cordis*”⁶⁵), символизирующего собой Иерусалимский Храм, куда некогда был принесен Младенец Христос (“*In Purificatione*

Beatae Mariae Virginis”). Причастность каждого слушателя к происходящему становилась еще более ощутимой, ибо поэт обращается ко всем: “Templum cordis adornemus”⁶⁶ – “Украсим храм сердца”.

В пространстве секвенций небо и земля четко определены [например, “summa” – “горняя” и “ima” – “дольная” в секвенции “In Resurrectione Domini”⁶⁷ (“Salve, dies, dierum gloria”)], и их разность преодолевается и “concordia”⁶⁸ – “согласие” (“In Circumcisione Domini”) восстанавливается во время праздника: “Pax de caelo nuntiatur, / Terra caelo foederatur, / Angelis ecclesia”⁶⁹ – “Мир с неба объявляется, / Земля с небом заключает союз, / С ангелами – Церковь” [“In Nativitate Domini” (“Iubilemus Salvatori”)]. Слушатели также не остаются в стороне, они, пусть и в воображении, оказываются свидетелями происходящего. На пасхальной службе их глазам представляется мир, устремленный от дольных в горняя, воскресающий вместе со Христом: “Resurrexit / liber ab inferis / Restaurator / humani generis / Ovem suam / reportans umeris / Ad superna”⁷⁰ – “Восстал / свободный из преисподней / Восстановитель человеческого рода, / Овцу Свою унося / В Горняя” [“In Resurrectione Domini”⁷¹ (“Salve, dies, dierum gloria”)]. И сами они слышат призыв вознести “puras mentes / Ad caelum”⁷² – “чистые умы / К небу” (“De s. Michaelis et Angelis”). Обращенность героев секвенций, а с ними и слушателей, к Небу не остается без ответа. Так, в секвенции “De s. Stephano protomartyre”⁷³ 11 строф из 20-ти содержат слова Святого Духа, произносимые с небес и достигающие земли, слуха св. первоученика Стефана.

Пространство Адамовой поэзии теоцентрично. Особенно явно это видно в секвенциях рождественского цикла, например “In Circumcisione Domini”⁷⁴. Перед внутренним взором слушателей возникает вертеп, где Боголаделец “in praesepi reclinatur” – “лежит в яслях”, а над вертепом сияет “caelesti[s] praesoni[um]” – “небесный вестник”, Звезда Рождества. На небе ликуют ангелы, на земле Христу поклоняются пастухи, к Нему также “reges surgunt Orientis” – “поспешают цари Востока”. Возникающая картина полна света, звуков и движения. Большая часть секвенций, написанная Адамом на праздники святых, содержит названия

стран, местностей, городов, где они прославились своими подвигами. Так, присутствующие на богослужении могли ощущать себя мысленно в Палестине “secus mare Galileae”⁷⁵ – “у моря Галилейского” и в Ахайе (“De sancto Andrea”), в [Малой] Азии⁷⁶ (“De sancto Iohanne Evangelista”), в Галлии, в краю пиктавов⁷⁷, в Париже⁷⁸, выступающем под двумя названиями Паризий и Лютеция, в Массилии⁷⁹ (Марсель). Страны становятся символами народов, их населяющих, и получают их отличительные черты: могущественный и гордый Рим (“Roma potens”) склоняется перед святым, в то время как ученая Греция (“docta Graecia”) познает Божественные Тайны (“De sancto Paulo”⁸⁰).

Невидимый мир имеет свои очертания. Мы узнаем о существовании преисподней (“infernum”⁸¹) и слышим “gehennalem gemitum”⁸² – “гееннские стоны”. Гораздо более подробно Адам описывает горний мир. Там царит Пресвятая Богородица, “in supremo sita poli”⁸³ – “находящаяся на вершине неба” [De Beata Maria Virgine. (“Salve, mater salvatoris”)], “super choros exaltata / Angelorum”⁸⁴ – “вознесенная над хорами / Ангелов” [“In Assumptione Beatae Mariae Virginis” (“Gratulemur in hac die”)]. Там постоянно звучат ангельские хоры⁸⁵, все исполнено радости и ликования. Рай описывается как Небесный Град: “Quam felix illa civitas, / In qua iugis sollemnitas, / Et quam iucunda curia, / Que curae prorsus nescia!”⁸⁶ – “Сколь блажен этот град, / В котором непрестанное торжество, / И сколь приятен чертог, / Которая совершенно не знает заботы!” (“De omnibus sanctis”). Именно к созерцанию этого Града и в конце концов к пребыванию в Нем этот образ должен был побуждать слушателей.

Одним из художественных средств, призванных сократить расстояние между слушателем и предметом повествования, является апострофа – переключение внимания говорящего с физически присутствующих и обращение к отсутствующему лицу – чрезвычайно эмоциональный риторический прием⁸⁷. Апострофа весьма часто встречается в Адамовых секвенциях, так как цель литургической поэзии состоит не только в прославлении, но и в молитвенном обращении к Богу и святым. Обычно апострофа находится в заключительной части секвенции. Например, одна из пасхальных секвенций, “In Resurrectione Domini”⁸⁸ (“Zuma vetus

expurgetur”), завершается следующим обращением ко Христу, в котором певец/хор говорит и от имени слушателей:

19. Iesu victor, Iesu vita, Iesu vitae via trita, Cuius morte mors sopita, Ad paschalem nos invita Mensam cum fiducia.	19. Иисусе Победитель, Иисусе Жизнь, Иисусе Путь жизни проторенный, Чьею Смертью смерть обессилена, На пасхальную пригласи нас Трапезу с упованием.
20. Vive panis, vivax unda, Vera vitis et fecunda, Tu nos pasce, tu nos munda, Ut a morte nos secunda Tua salvet gratia.	20. Живой Хлеб, Животворная Вода, Истинная и Плодоносная Лоза, Ты нас напитай, Ты нас очисти, Чтобы от смерти нас благоприятствующая Твоя благодать спасла.

Сходными молениями завершаются и многие секвенции, написанные на праздники святых. Так, обращаясь к св. ап. Андрею, молящиеся просят его перенести их “Ab hac valle tenebrarum... ad illum lumen clarum”⁸⁹ – “Из этой долины мрака... в тот Ясный Свет [Божий]” (“De sancto Andrea”), а к св. ап. Иоанну Богослову, особенно известному своей непорочной жизнью, обращаются так: “Fac nos sequi sanctitatem, / Fac per mentis puritatem / Contemplari Trinitatem / Unam in substantia”⁹⁰ – “Сделай так, чтобы мы стремились к святости, / Сделай так, чтобы мы посредством чистоты ума / Созерцали Троицу / Единую в Существо” (“De sancto Iohanne Evangelista”). Особым случаем апострофы, по мнению П.С. Диля⁹¹, является побуждение святого со стороны молящихся снова помочь им так же, как он помогал им раньше (“De sancto Martino Turonensi”⁹²).

12. O Martine, Fac nunc, quod gesseras, Deo preces Pro nobis offeras, Esto memor, quam nunquam deseras, Tuae gentis.	12. О Мартине, Сделай ныне, как делал, Богу молитвы За нас предложи, Помни, Который никогда не покидаешь, Свой народ.
--	---

На употреблении апострофы построена уже упоминавшаяся секвенция “Prunis datum” – “Отданного горящим углям...”, которая рассказывает о мученичестве св. Лаврентия. Седьмая строфа начинается с обращения к Децию: “Deci, vide...”⁹³ – “Деций, смотри...”, в то время как 22-я строфа завершается обращением к нему же: “...o minister impie”⁹⁴ – “О нечестивый служитель”. Певец/хор, объединившись вместе со слушателями, разъясняет гонителю христианства смысл подвига святого.

У Адама встречается и просопопея – в античной риторике прием, приписывающий лицу или предмету действие или состояние, обычно им не свойственное. Этот прием, согласно Г. Лаусбергу, требует усиленной работы воображения⁹⁵. Адам пользуется этим приемом, когда ему необходимо изобразить происходящее на границе видимого и невидимого миров: он наделяет речью не предметы, а Господа и ангелов, и таким способом соединяет вечность и повседневность. Так, когда св. Леодегарий, претерпев мучения, вводится в Небесное Царство, «Caelestis militia / Cantat cum laetitia / “Deo laus et gloria!”»⁹⁶ – «Небесное воинство / Поет с радостью: “Богу хвала и слава!”» (“De s. Leodegario Augustodunensi”). В секвенции на праздник Преображения описывается происходящее на горе Фавор: облако окутывает апостолов, и они – а вместе с ними и присутствующие на богослужении – слышат голос Бога Отца: “Hic est Meus Filius”⁹⁷ – “Сей есть Мой Сын” (“In Transfiguratione Domini”). Просопопея является главным риторическим приемом в секвенции “De s. Stephano protomartyre”. Пятая строфа секвенции описывает враждебность окружающих св. Стефана людей, которые ведут себя, как “ferae”⁹⁸ – “дикие звери”: они “Lucis adversarii” – “противники Света”, “viperae filii” – “сыны змей”⁹⁹. Враги мученика, отвергая Истину, лишаются дара слова. Изображая их речь, Адам пользуется глаголом “fremo” – “шуметь, бушевать”, но и “реветь” подобно льву, “ржать, фыркать”, как лошадь, “выть”, как волк. Среди какофонии звуков, которые нужно представить слушателю, раздаётся речь Святого Духа, обращенная к св. Стефану (строфы 6-10, 13-14). Начало этой неожиданной речи содержит цепочку глаголов в повелительном наклонении: “Agoniza, nulli cede, / ... Persevera... / Insta... / Confuta...”¹⁰⁰ – “Борись, никому

не уступай, / ... Будь стоек... / Стой [против]... / Опровергай...”. Это побуждение к действию слушатель может отнести и на свой счет. Здесь же присутствует и элемент драматизации: речь Святого Духа прерывается двумя строфами (строфы 11-12), которые могут восприниматься как авторская ремарка в пьесе. В них описываются действия святого в момент, когда он слышит обращенный к нему голос: он поднимает глаза к небу и “penetrat intuitu... caelestia, / Videns Dei gloriam”¹⁰¹ – “проникает взглядом... в горня, / Видя славу Божию”. После этого речь свыше возобновляется.

Как небольшая пьеса воспринимается и часть секвенции “In Assumptione Beatae Mariae Virginis” (“Ave, virgo singularis”). Обращаясь к Пресвятой Богородице, поэт восхваляет Ее как Матерь Создателя Вселенной, после чего следует некая беседа певца/хора со всем сотворенным миром – с людьми, в данном случае с присутствующими на праздничной службе, но также и с природой:

5. Cuius? Eius, – quid dicemus?
Quibus verbis explicemus
Nomen tanti numinis?	5. [Матерь] Кого? – Того, – что скажем?
Какими словами объясним
Имя Столь Великого Божества?
6. Eius quippe magnitudo,
Virtus, honor, pulchritudo
Cor excedit hominis.	6. Его также величие,
Сила, честь, красота
Не вмещаются в сердце человеческое.
7. Res mutando dic, natura,
Dic, ubi sunt tua iura?
Virgo parit filium... ¹⁰²	7. Вещества изменяя, скажи, природа,
Скажи, где твои законы?
Дева рождает Сына...

Риторические вопросы, наподобие того, с которым поэт обращается к природе, нечасты в поэзии Адама. Гораздо чаще встречаются риторические восклицания. Некоторые секвенции начинаются с эмоционального обращения к слушателям, например: “Ecce, dies triumphalis! / Gaude, turba spiritalis / Spiritali gaudio...”¹⁰³ – “Вот, день триумфа! / Радуйся, духовная дружина, / Духовной радостью...”. В секвенции “De sancto Paulo” ритори-

ческое восклицание стоит в центральной ее части, призывая слушателей осознать, сколь велик был апостол, и тем самым подготавливая их к рассказу о его чудесах: “Vas sacratum, vas divinum, / Vas propinans dulce vinum / Doctrinalis gratiae!”¹⁰⁴ – “Сосуд священный, сосуд чудесный, / Сосуд, доставляющий сладкое вино / Благодати учения!” Иногда риторическое восклицание помещается в заключительной части секвенции: “Mira floris pulchritudo, / Quem commendat plenitudo / Septiformis gratiae!”¹⁰⁵ – “Удивительная красота Цветка, / Который украшает полнота / Седьмовидной благодати!” [In Nativitate Domini (“Iubilemus salvatori”)]. Это риторическое восклицание играет роль связки между основной частью секвенции и ее заключением – молитвой.

Адам часто обращается к повторам как к риторическому приему и к его разновидности – анафоре¹⁰⁶, т. е. повторению начальных частей строк. Вся секвенция “De sancto Martino Turonensi”¹⁰⁷ построена на анафоре: строфы со второй по десятую начинаются строками: “Hic Martinus...”, две последние строфы представляют собой молитву к святому, в начале каждой из них стоит обращение: “O Martine...”. Анафора встречается и в секвенции “De sancto Petro”, где она помогает изобразить чувства, охватившие императора Нерона после победы св. ап. Петра над Симоном Магом: “Nero frendet furibundus, / Nero plangit impium, / Nero, cuius aegre mundus / Ferebat imperium”¹⁰⁸ – “Нерон бушует, яростный, / Нерон оплакивает нечестивца, / Нерон, чью мир с неохотой / нес власть”. Повторяющиеся слова иногда входят в словосочетания, образующие градацию по нарастанию. Так, о св. первомученике Стефане говорится: “Clarus fide, clarus vita, / Clarus et miraculis”¹⁰⁹ – “Славный верой, славный жизнью, / Славный и чудесами”. Повтор и градация помогают слушателям запомнить, что глубокая и искренняя вера приводит к праведной жизни и вознаграждается способностью творить чудеса.

Наиболее таинственными и труднообъяснимыми событиями Священной истории являются Благовещение и Рождество Иисуса Христа. Следуя святоотеческой традиции, Адам описывает все обстоятельства, предшествующие этим событиям, иносказательно, и в этом ему помогает группа метафор, восходящих к

ветхозаветным текстам: “...жезл Аронов... расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали” (Числ 17:8) и “И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его” (Исайа 11:1). Особенность употребления метафор у Адама состоит в том, что за метафорой сразу же следует ее объяснение, с тем чтобы мысль поэта была понята правильно, чтобы у слушателей не возникло соблазна истолковать услышанное иначе, чем предполагал автор. В секвенции “*De Nativitate Domini*” (“*Splendor patris et figura*”) пересказывается приведенная выше цитата из Книги Чисел, и тут же дается ее толкование: “*Frondem, florem, nucem sicca / Virga profert et pudica / Virgo Dei filium...*”¹¹⁰ – “Листву, Цветок, Орех сухая / Ветвь приносит, и Целомудренная / Дева – Сына Божия...”. Пресвятая Богородица метафорически изображается как Ветвь, принесшая Чудесный Цветок, почти во всех посвященных Ей секвенциях¹¹¹.

Интересно метафорическое изображение Христа как миндального ореха, восходящее к той же цитате из Книги Чисел. Впервые этот образ встречается в проповеди “*De mysterio Trinitatis et Incarnationis*”, приписывавшейся Блаж. Августину: “*Nux enim trinam habet in suo corpore substantiae unionem, corium, testam et nucleum. In corio caro, in testa ossa, in nucleo interior anima comparatur*”¹¹² – “Ибо орех имеет в своем теле тройной союз вещества, кожу, скорлупу и ядро. Под видом кожицы рассматривается плоть, под видом скорлупы – кости, под видом ядра – внутренняя душа”. У Адама эта цитата пересказана следующим образом:

<i>Nux est Christus:</i>	Орех есть Христос:
<i>cortex nucis</i>	Оболочка Ореха
<i>Circa carnem poena crucis,</i>	Вокруг Плоти – мука крестная,
<i>Testa corpus osseum,</i>	Скорлупа – тело костное,
<i>Carne tecta deitas</i>	Плотью покрытое Божество,
<i>Et Christi suavitas</i>	И Христа приятность
<i>Signatur per nucleum</i> ¹¹³ .	Означается чрез ядро [Ореха].

Хотя в богословской литературе этот образ встречается очень редко (кроме упомянутого случая, еще у двух церковных

писателей – у Салония Вьеннского и Петра Дамиани¹¹⁴), обращение к нему Адама понятно: в монастыре, жившем по Правилу Блаж. Августина, внимательное чтение наследия этого Отца Церкви было совершенно естественно.

Секвенция “*In Assumptione Beatae Mariae Virginis*” (“*Ave, virgo singularis*”) построена на употреблении контекстной метафоры, отправной точкой которой является образ Пресвятой Богородицы “*Stella maris*” – “Звезда моря”. Эта метафора встречается и в других богородичных секвенциях¹¹⁵, но здесь она начинает цепь метафор, изображающих человеческую жизнь как бурное море. Создается реалистическая картина бури на море: “*Saevit mare, fremunt venti, / Fluctus surgunt turbulenti, / Navis currit... Post abyssos nunc ad caelum / Furens unda fert phaselum, / Nutat malus, fluit velum / Nautae cessat opera*”¹¹⁶ – “Бушует море, ревут ветры, / Волны вздымаются бурные, / Корабль бежит... / После бездн ныне к небу / Ярящийся вал несет легкое судно, / Сотрясается мачта, падает парус, / Морьяка прекращает труды”. Только перечисление опасностей, которые ожидают мореплавателя, позволяет понять, что эта картина в высшей степени условна: “*...serenes voluptatis, / Draco, canes cum piratis*”¹¹⁷ – “...Сирены сладострастья, / Дракон, псы с пиратами...”. Метафорическое изображение земной жизни завершается обращением ко Христу быть Кормчим, управлять кораблем земной жизни и даровать мирную гавань молящимся.

Как кажется, совокупность художественных средств, использованных Адамом, должна была влиять на воображение слушателей, особенно тех, кого можно было бы назвать “некнижными”, не привыкшими получать знания посредством самостоятельного чтения. Образы, знакомые по прежней, мирской жизни, облегчали запоминание и усвоение глубоких богословских истин. Усиленная работа воображения позволяла слушателям Адамовых секвенций чувствовать себя свидетелями событий, вспоминаемых на богослужении. При этом не только накапливались знания, но и воспитывались чувства.

В то время как более образованные люди могли искать ответы на сложные вопросы богословия в книгах и проверять свои знания в школьных диспутах, “простецы”, слушая секвенции

Адама, также не оставались во тьме невежества. Для них, как и для их ученых братьев, становилось доступным воспитание “внутреннего человека”, души, и восстановление в себе “подобия Божия”.

- 1 Fassler M.E. Who Was Adam of St. Victor? The Evidence of the Sequence Manuscripts // Journal of American Musicological Society. V. 37. 1984:2. P. 264.
- 2 Ibid. P. 235.
- 3 Ibid. P. 233n.
- 4 Ibid. P. 235.
- 5 Ibid. P. 264.
- 6 Ibid. P. 265.
- 7 Ibid. P. 264n.
- 8 Ibid. P. 264.
- 9 Ibid. P. 267.
- 10 Ibid. P. 267n.
- 11 Ibid. P. 266–267.
- 12 Roberti de Torinneo. Tractatus de Immutacione Ordinis Monachorum. PL, v. 202, col. 1313.
- 13 Southern R.W. The Schools of Paris and the School of Chartres // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. R.L. Benson and G. Constable. Oxford, 1982. P. 124.
- 14 Ibid. P. 121–122.
- 15 Ibid. P. 124.
- 16 Roberti de Torinneo. Tractatus de Immutacione Ordinis Monachorum. PL, v. 202, col. 1313.
- 17 Ibid.
- 18 Zwieten J.W.M. van. Scientific and Spiritual Culture in Hugh of St. Victor // Centres of Learning. Learning and Location in Pre-Modern Europe and the Near East / Ed. J.W. Drijvers & A.A. MacDonald. Leiden; N. Y., 1995. P. 177.
- 19 Liere F.A. van. The School of St. Victor in Perspective // Medieval Perspectives. 1996. № 9. P. 211.
- 20 Bynum C.W. The Spirituality of Regular Canons in the Twelfth Century: A New Approach // Medievalia et Humanistica. Studies in Medieval and Renaissance Culture. 1973. New Series. № 4. P. 8–9.
- 21 Ibid. P. 8–9.
- 22 Ibid. P. 8.
- 23 Hugo de S. Victore. Expositio in Regulam Beati Augustini. PL, v. 176, col. 881.

- 24 Ibid. Col. 920.
- 25 Hugo de S. Victore. Didascalicon. PL, v. 176, col. 715.
- 26 I. van 't Spijker. Learning by Experience: Twelfth-Century Monastic Ideas // Centres of Learning. Learning and Location in Pre-Modern Europe and the Near East. P. 198.
- 27 Norberg D. An Introduction to the Study of Medieval Latin Versification / Transl. G.C. Roti & J. de La Chapelle Skubly. Washington (USA), 2004. P. 158.
- 28 Ibid. P. 158.
- 29 Ibid. P. 159.
- 30 Diehl P.S. The Medieval European Religious Lyric. An Ars Poetica. Berkeley, 1985. P. 83.
- 31 Ibid. P. 88–89.
- 32 Ibid. P. 84.
- 33 Герцман Е.В. Гимн у истоков Нового Завета. М., 1996. С. 77.
- 34 Там же. С. 77.
- 35 Там же. С. 241.
- 36 Бозций. О музыкальном установлении. Кн. 1, гл. 1 // Герцман Е.В. Музыкальная Бозциана. СПб., 1995. С. 300.
- 37 Там же. С. 10.
- 38 Бозций. О музыкальном установлении. Кн. 1, гл. 1 // Герцман Е.В. Музыкальная Бозциана. С. 303.
- 39 Герцман Е.В. Гимн у истоков Нового Завета. С. 108.
- 40 Герцман Е.В. Музыкальная Бозциана. С. 112.
- 41 Музыка этой секвенции в современной расшифровке, сопровождаемая текстом, приводится в статье М. Фасслер: Fassler M.E. Op. cit. P. 259–260. Текст секвенции пересказывается по изд.: Analecta hymnica medii aevi / Hrsg. von Clemens Blume und G.M. Dreves. Leipzig; N. Y., 1886–1961 (далее в тексте – АН). V. 55: Thesauri hymnologici prosarium. P. 245–246. Автор сердечно благодарит Г.Н. Назарову за музыковедческую консультацию.
- 42 Герцман Е.В. Музыкальная Бозциана. С. 170–171.
- 43 Цитата приводится в переводе автора статьи.
- 44 Hugo de S. Victore. De Unione Corporis et Spiritus. PL, v. 177, col. 287.
- 45 Ibid. Col. 287.
- 46 Ibid.
- 47 Hugo de S. Victore. Commentariorum in Hierarchiam Coelestem S. Dionysii Areopagite. PL, v. 175, col. 119.
- 48 Hugo de S. Victore. Didascalicon. PL, v. 176, col. 764–765.
- 49 Hugo von Sanct Victor. Didascalicon. De Studio Legendi / Ed. T. Offergeld. Freiburg, 1997. P. 238.
- 50 АН 55. P. 278.
- 51 АН 55. P. 377.
- 52 АН 55. P. 249.
- 53 АН 54. P. 325.
- 54 АН 54. P. 150.

- 55 AH 54. P. 223.
 56 AH 55. P. 341.
 57 AH 54. P. 224–225.
 58 AH 54. P. 163.
 59 AH 54. P. 150.
 60 AH 55. P. 313.
 61 AH 55. P. 341.
 62 AH 54. P. 152.
 63 AH 54. P. 241.
 64 AH 54. P. 326.
 65 AH 54. P. 307.
 66 AH 54. P. 307.
 67 AH 54. P. 222.
 68 AH 54. P. 160.
 69 AH 54. P. 152.
 70 AH 54. P. 222.
 71 AH 54. P. 222.
 72 AH 55. P. 289.
 73 AH 55. P. 341–342.
 74 AH 54. P. 160.
 75 AH 55. P. 68.
 76 AH 55. P. 216.
 77 AH 55. P. 249.
 78 AH 55. P. 130.
 79 AH 55. P. 374.
 80 AH 55. P. 308.
 81 AH 54. P. 222.
 82 AH 55. P. 308.
 83 AH 54. P. 384.
 84 AH 54. P. 325.
 85 AH 54. P. 160, 222, 325; AH 55. P. 45, 89.
 86 AH 55. P. 45.
 87 *Lausberg H.* Handbook of Literary Rhetoric / Ed. D.E. Orton, R.D. Anderson. Leiden; Brill, 1998. P. 338.
 88 AH 54. P. 228.
 89 AH 55. P. 68.
 90 AH 55. P. 216.
 91 *Diehl P.S.* The Medieval European Religious Lyric. P. 139.
 92 AH 55. P. 278.
 93 AH 55. P. 246.
 94 AH 55. P. 246.
 95 *Lausberg H.* Op. cit. P. 370.
 96 AH 55. P. 249.

- 97 AH 54. P. 163.
 98 AH 55. P. 341.
 99 AH 55. P. 341.
 100 AH 55. P. 341.
 101 AH 55. P. 341.
 102 AH 54. P. 327.
 103 AH 55. P. 374.
 104 AH 55. P. 309.
 105 AH 54. P. 153.
 106 *Lausberg H.* Op. cit. P. 281.
 107 AH 55. P. 278.
 108 AH 55. P. 314.
 109 AH 55. P. 341.
 110 AH 54, p.154.
 111 Секвенции Рождественского цикла – AH 54. P. 150, 153, 160, 161; секвенции на Успение – P. 323, 325; хвалебная песнь “De Beata Maria Virgine” (“Salve, mater Salvatoris”) – P. 383.
 112 PL, v. 39, col. 2198.
 113 AH 54. P. 154.
 114 PL, v. 53, col. 1010; v. 144, col. 760.
 115 AH 54. P. 150, 307, 386.
 116 AH 54. P. 323.
 117 AH 54. P. 323.

АДАМ СЕН-ВИКТОРСКИЙ

Имя весьма талантливого поэта и композитора Адама Сен-Викторского (ум. в 40-х годах XII в.) связано с возникновением одного из типов церковных песнопений – “правильной” секвенции, исполняющейся в центральной части латинской миссы. Адам прожил значительную часть своей жизни в парижском монастыре Сен-Виктор, славившемся своей богословской школой. Особенностью викторинского богословия было внимание к молитве, созерцанию и духовным упражнениям. Викторинцы стремились передать знание о Боге как “книжникам”, так и “простецам”, которых, вероятно, было большинство. Более образованные христиане могли обратиться и обращались к сочинениям признанных богословов, но и гораздо более широкая аудитория, состоявшая из людей малограмотных и некнижных, также не должна была оставаться непросвещенной. Секвенции Адама можно назвать проповедями в стихах. Они в простой и доступной форме передают идеи, содержащиеся в трактатах его современников – Гонория Августодунского и особенно Гуго Сен-Викторского, единомышленника и соученика Адама по монастырской школе.

*Рождество*¹

1.
В вышних песнь разносится,
В честь Царя веселие².
Ныне достигается
Всех стихий согласие
2.
Рождество Христа встречать –
Долг по праву радостный.
С Ним сошла к нам благодать
Новой жизни праведной.

3.
Он Адамову природу
Принял, но не принял грех³.
Он Ходатай⁴ за народы,
Жертва чистая за всех.
4.
Свет излившее светило
Не теряет ясности.
Девство Дева сохранила,
Выбрав жребий Матери.
5.
Камень Он Нерукосечный⁵,
И Родившийся, и Вечный,
Отрасль рода царского⁶,
Слово Воплощенное,
Девою Рожденное,
Свет для мира грешного.
6.
Пусть пустыня процветет,
Пусть чащоба воспоет,
Ныне радость к нам идет.
Ветвь от корня всечестного
Нам Цветок явила Новый⁷ –
Речь о том Закон ведет.
7.
Корень сей есть Дом Давидов,
Ветвь-Марию породил он,
Чистый Образ святости.
Цвет есть Отрок, в мир рожденный,
Правильно с цветком сравненный
Из-за дивной сладости.

8.
Бедной пеленой повитый,
В яслях Он лежит сокрытый,
Чудной возвещен звездой.
В горних ангелы поют,
В дольних пастыри идут.
Их скрывает мрак ночной.
9.
Здесь хвалы немолчный гром
Над Рожденным Девой,
Благовестье и псалом
Возвещают дивное.
10.
В светлых ангелы доспехах,
Пастухи в овечьих шкурах
Поклоняются Христу.
Вот спешат волхвы с Востока
Через горы и потоки,
Видя яркую звезду.
11.
Отрок, смерти не причастный,
Вечный, тленью не подвластный,
Нас из этой жизни страстной
Ты со властью изведи.
После жизни этой смертной,
Или смерти ежедневной,
Нам бессмертья дар бесценный
Милосердно возврати.

*Пасха*⁸

1.
День настал торжественный,
Мрак рассеян гибельный,
Смерти одоление.
Чем беда мучительней,
Тем победа радостней,
Праздник Воскресения.
Тьма бежит от Истины,
Долгий век – от юности,
Скорбь – от утешения.
2.
Чтите Пасху Новую,
Тело, чти Главу свою⁹,
Тело – мы¹⁰, Христос – Глава¹¹.
Пасха Новая Христос¹²
На Кресте страдал за нас,
Не оставив Божества.
3.
Нам Самсон предвозвестил,
Тот, что льва рукой убил¹³,
Что Христос освободил
Нас от древнего врага.
Как Давид овец спасал,
Льва с медведем побеждал¹⁴,
Так Господь нас всех собрал,
Сокрушив отца греха.
4.
Смерть Самсона филистимлян
Погубила¹⁵; он явил нам
Победителя Царя.
Солнце Правды¹⁶, Свет избранных

Согревает земнородных,
Даже смертью жизнь даря.

5.
Гроздь Лозы¹⁷ Нетленной Жизни
Сходит в недра юной Церкви
С Живоносного Креста.
От грехов приняв свободу,
Днесь спешат вкусить народы
Благодатного вина.

6.
Багряница поношенья
Стала царским облачением.
Стало вретисце порфирой,
Плоть страданье победила.

7.
Не увидеть вечной жизни
Тем, кто Бога предал смерти.
Злого Каина проклятье
Их отметило печатью.

8.
Осужденный и презренный,
В знак Победы вознесенный,
Ныне Камень сей Избранный
Во главе угла стоит¹⁸.
Человеков очищает
От греха Он и спасает,
Двери Рая отворяет,
Все народы единит.

9.
Главе – восхваление,
Телу – единение! Аминь.

*Пасха*¹⁹

1.
Сияет Свет Божественный²⁰,
Свет чудный, Свет торжественный,
Свет света, мира, радости,
Свет беспечальной вечности.

2.
Сей день с начал творения
Христово Воскресения
Честь принял, став приятнейшим,
Для мира благодатнейшим.

3.
В надежде вечной радости
Ликуют чада святости;
С Главою Тело сходными
Равняется заслугами.

4.
Бурлит народом Божий храм,
Летят молитвы к Небесам,
Достоин Праздник всечестной
Всеобщей похвалы святой.

5.
Христовая Пасха Светлая,
Победа досточестная,
В иносказаньях некогда
Отцам была обещана.

6.
Завеса Храма раздралась²¹ –
Жизнь в Благодати началась.
Так Сущность устранила сень,
И яркий свет рассеял тень.

7.
Так агнец всеожжения²²,
Козел для отпущения,
Встарь очищавший от греха²³,
Предобразуют нам Христа.
8.
Своею смертью на Кресте
Он спас от смертных нас сетей.
Добычу редкую лова,
Ад обездолил сам себя.
9.
Греха не знающий Господь
Пришел, чтоб Зверя побороть,
И в третий день процвел, как цвет.
Мы знаем ныне: "Смерти нет!"
10.
Христова смерть чудесная,
Смерть, смерти не подвластная,
Ты нас Христом животвори,
Дар вечной Жизни подари!

*Пасха*²⁴

1.
Здравствуй, Праздник, Слава всех праздников²⁵,
День, открывший небо для грешников,
День счастливый, радость для ангелов,
 Божья Пасха!
Ныне Свет просветил невидящих²⁶,
Ад лишился узами связанных²⁷,
Смерти зев не удержит праведных.
 Днесь – Победа.

2.
Суд Царя содержал под клятвою
Всех, кто немощен добродетелью,
Чтоб восполнить грех благодатию,
 Жизнь исправить.
Сила Божья мудрым решением
Заменила гнев милосердием,
Чтобы гибнущий мир спасением
 Вновь восставить.
3.
Древний враг, отец прегрешения
Рад тяжелым нашим мучениям,
Зная: нет нигде облегчения
 Грешным душам.
В мир, погрязший в скорби и горести,
Бог Отец по великой милости
Как лекарство²⁸ от горькой участи
 Сына дал нам.
4.
Хищник жадный, чудище адово,
Видя Плоть Христову, прожорливо
Проглотил и пойман затейливо
 Жалом Крестным²⁹.
Нас Христос вернул к первожданности
Возрождением райской святости,
Утешительной Пасхой радости,
 Днем Воскресным.
5.
Он восстал свободным из Тартара,
Вывел род людской из узилища,
На плечах Он агнца на пастбища
 Рая вынес³⁰.
Мир настал для людей и Ангелов,
Войско выросло Божьих ратников.

Песнь споем Царю грозных воинов,
Богу Сыну.

6.
Церкви, на Небе Торжествующей,
Вторит голос Церкви Воюющей,
“Аллилуиа!” поют ликующе
Хоры верных.
Смерти власть и сила повержены,
Над врагом победа одержана,
В дольних вестях о мире возвещена,
Слава в горних! Аминь.

*О Пресвятой Богородице*³¹

1.
Слава Матери Христовой,
Честь Сосуду Всечестному,
Благодати полному.
Сей Сосуд Уготованный,
Богом до времен избранный,
Дан Им миру грешному.

2.
Слава Рождшей Божье Слово!
Ты Цветок³² среди густого
Терния колючего³³.
Это мы терновник колкий,
Терпим мы грехов иголки,
Ты ж не ведаешь греха.

3.
Ты Источник вод Хрустальных
В райских кущах беспечальных.
Ты корицу, касию,

Мирру, ладан и бальзам,
Как небесный фимиам,
Превосходишь сладостью³⁴.

4.
Девства Честь, Тебе хвала,
Род людской Ты приняла
У Креста под Свой покров.
Роза воздержания,
Лилия терпения³⁵,
Сад, исполненный плодов!

5.
Ты Долина Тихая,
Нива Неоранная,
Бога породившая,
Цвет полей, чистейшая
Среди прочих Лилия³⁶,
Спаса воскормившая.

6.
Ты Небесное Селенье³⁷,
Ты Душистое Куренье³⁸,
Сладость нам струящее,
Простотою, красотою,
Чистотою, добротою
Всех превосходящая.

7.
Ты Царя Престол Нетленный,
Нет другого во Вселенной,
Чтоб равняться мог с Тобой.
Кость белеющая – девство³⁹,
Золото – любви богатство⁴⁰
Знаменуют здесь собой.

8.
 Как Владычице Державной,
 Нет Тебе средь женщин равной,
 Затворенные Врата,
 Цвет Неувядающий,
 Кладезь Напоющий,
 Несекомая Гора.

9.
 Солнце ярче, чем луна,
 А луна светлее звезд.
 Дева-Матерь превзошла
 Светом небеса небес.

10.
 Свет неубывающий –
 Девы целомудрие,
 Огонь неугасающий –
 К людям милосердие.

11.
 Честь Тебе, Благая Матерь,
 Троицы Святой обитель,
 Ложе Трисиянное⁴¹.
 Воплощенью Бога-Слова
 Послужившая особо,
 Славою венчанная.

12.
 О Звезда морей, Мария,
 Ты на тяготы земные,
 На страдания людские
 зришь с небесной высоты.
 Не забудь о нас, бессильных,
 Подчини нас воле Сына,
 От грехов коварной тины
 Нас навек освободи.

13.
 Если мы Тобой хранимы,
 В битве мы непобедимы,
 Из сраженья невредимы
 Мы вернемся в край родимый
 С благодарным пением.
 Иисусе Милосердный,
 Нас, рабов Марии верных,
 Сохрани от всякой скверны,
 Озари нас Невечерним
 Светом Воскресения. Аминь.

*Обретение Св. Креста*⁴²

1.
 Крест восхвалим мы Господень,
 Вместе радуясь сегодня
 Одолению греха,
 Ибо Крест – Победы знамя,
 Он в сраженьях рядом с нами
 Значит гибель для врага.

2.
 Песнь Победы
 Рвется к небу!
 Верь, достоин
 Крест Господень
 Звуков восхваления.
 Слово с делом неразлучно,
 Если жизнь словам созвучна,
 Сладко единение.

3.
 Богу мы хвалу возносим,
 Вечной жизни дар мы просим

У подножия Креста.
Мир поет одним напевом:
“Честь Тебе, Спасенья Древо,
Славься, Знаменье Христа!”

4.
Нам доселе неизвестный,
Новый Сей Алтарь чудесный
Кровью Агнца обогрен.
На Кресте грехи людей
Кровью выкупил Своей⁴³,
Навсегда очистил Он!

5.
Крест есть Лестница⁴⁴ к подножью
Светлого престола Божья,
На пути надмирные.
Крест есть образ всей Вселенной,
На четыре разделенной
Области обширные⁴⁵.

6.
Образ Древа Всечестного
В песнях восхвалять не ново,
Так гласит Писание.
Это посох Моисеев⁴⁶,
Что из каменных расселин
Вод исторг плескание.

7.
Блага в доме не бывает,
Если крест не начертает
Над порогом человек:
Смерть промчится стороной,
Не погибнет сын родной,
В мире проведет он век⁴⁷.

8.
Бедная вдова в Сарепте
Для огня искала щепки
И спасенье обрела.
Чашку масла, горсть муки,
Что не знают убыли,
Сила Древа ей дала⁴⁸.

9.
Ведь в Писанье
Прячет тайна
Образ Крестный,
Но известны
Ныне чудеса Креста.
Царь-воитель –
Победитель,
Враг стремится
Быстро скрыться,
Крест увидев, навсегда⁴⁹.

10.
Видит Рим: речные волны
Поглощают неуклонно
Корабли Максентия⁵⁰.
Перс разбит, бежит фракиец,
Лишь надеется на милость
Грозного Ираклия⁵¹.

11.
Крест нам силы прибавляет,
Крест победой одаряет,
От болезней защищает,
Изгоняет демонов.
Подает свободу пленным,
Обновляет жизнь Вселенной,
В Царство вечности нетленной
Возвращает грешников.

12.
 Честь Тебе, Победы Древо⁵²,
 Плод спасительного сева!
 Нет подобного такого
 Ни цветами, ни листвою⁵³.
 Врачевство от всех болезней
 Одинаково полезно
 И здоровым, и болезным;
 Все спасаются Тобой.

13.
 Славе Крестной предстоящих
 Нас, Христе, услышь молящих.
 Путь прошедшим этой жизни,
 Дай достигнуть нам Отчизны,
 Во дворцы Твои войти⁵⁴.
 Если муки суждены нам,
 Будут пусть неощутимы.
 В День Суда нам за мученья
 Щедро даруй утешенье
 Бесконечной радости.
 Аминь.

*На освящение храма*⁵⁵

1.
 Храм построен Соломоном,
 Чтоб явить благой союз нам
 Иисуса с Церковью⁵⁶.
 Храма Он сего Правитель,
 Основанье и Строитель
 Вышней благодатию.

2.
 Храм – квадратное строенье⁵⁷,
 Мрамор белый в основанье

Прочно укрепляется.
 Цвет являет добродетель,
 Коей алтаря служитель
 Верный отличается⁵⁸.

3.
 Храм высокий
 И широкий,
 Меру ты длины готовь.
 Знай значенье
 Измеренья:
 Вера, Чаянье, Любовь⁵⁹.

4.
 Храм сей чудный трехсоставен,
 Он по образу устроен
 Животворной Троицы.
 Низ его есть мир живущих,
 Середина – мир усопших,
 Верх – бессмертных душ дворцы⁶⁰.

5.
 Если есть в тебе желанье
 Численное измеренье
 Храма этого узнать,
 Ввысь он, вширь, в длину задуман
 В шестьдесят локтей, чтоб мог он
 Символ Троицы являть⁶¹.

6.
 Дым кадильный
 Благовонный,
 Ладан чистый,
 Воск душистый,
 Мирра, нард и кáсия
 Чести, славы
 Добрых нравов,

Песнопений
И молений
Суть обозначения⁶².

7.

Утварь храма
Вся из золота,
Что в горниле
Очищали
Силой жаркого огня⁶³;
Так учитель
И служитель
Храма должен
Быть очищен
Силой Духа Божия.

8.

Так построен
Храм Господень
От богатства
Соломона,
Из хранилищ взятого;
Царь из Тира,
С края мира
Вызвал зодчих
Наилучших,
Чтобы возвели его⁶⁴.

9.

Иудеи и Языки
Храм построили великий,
Так и Церковь строится⁶⁵.
Бог Христос, Владыка Вышний,
Камень Церкви Неподвижный⁶⁶
Пусть во веки славится!
Аминь.

*Секвенция св. Агнете*⁶⁷

1.

С миром стойки в состязанье,
Вспомним, братия, страданье
Юной девы праведной.
Се, цветок красоты нетленной,
Богу с детства посвященный,
Чистотой прославленный.

2.

Благородная Агнета⁶⁸
До тринадцатого лета
В доме отчем прожила.
Красотой ее плененный,
Сын патриция влюбленный
В жены взять ее желал.

3.

Веры живительной
Сила чудесная,
Скромности девичьей
Стойкость безмерная.

4.

Божье веление
Ей открывается,
В слабом создании
Миру является.

5.

Страстью мучимый влюбленный
На одре лежит недвижный,
Узнает о сем отец.
По велению отцову
Доктора спешат к больному,
При дверях его конец.

6.
 Волей мучителя
 Дева невинная
 Без одеяния
 На люди выгнана.
 Ей, не оставленной
 Богом Спасителем,
 Кротких Хранителем,
 Волосы пышные,
 Тело укрывшие,
 Сделались мантией.
7.
 В ослепленьи грешной страсти
 К ней юнец спешит, чтоб смерти
 Иго страшное подъять.
 Вопль патриций испускает,
 Рим стенаьем оглашает:
 Тяжко сына потерять!
8.
 Глупого юнца Агнета
 Воскрешает, и в ответ ей
 Злобная толпа гудит.
 На костер влекут девицу,
 Огонь пылает, дым клубится,
 Но Агнете не вредит⁶⁹.
9.
 Богу с верой помолившись,
 К палачу оборотившись,
 Горьких мук не убоившись,
 Смерть Агнета приняла.
 Днесь, Агнета, одесную
 Агнца ты стоишь, ликуя,
 Божьей милости взыскуя,
 В радость ты родным была.

10.
 Чтоб они не горевали,
 Над усопшей не рыдали,
 Вместе с Агнцем в свете славы
 Ты пришла к ним величаво
 Ночью, в час двенадцатый.
 Помоги нам удержаться
 Близ Спасяющего Агнца,
 Воле Чьей ты подчинилась,
 Силой Чьею исцелилась
 Через тебя Констанция⁷⁰.
11.
 Чистоты сосуд избранный,
 Райский цвет благоуханный⁷¹,
 Хорам ангельским желанный,
 Труд несешь ты непрестанный,
 Облегчая нашу боль.
 Злат венец – тебе награда,
 Мы твоей молитвой рады
 В горние ступить ограды.
 К жителям в Небесном Граде
 Нам причислиться позволь.
 Аминь.

*Эпитафия самому себе*⁷²

Древний наследуя грех, повредивший природу Адама,
 Вечно в изгнании жить должен любой человек.
 Чем же гордиться ему, если зачат он в пагубной страсти,
 В муках рожден и живет, в муках покинет сей мир?
 Бренны земные блага, честь ничтожна, и все преходяще,
 Средь суеты ничего суетней нету людей.
 Радости жизни земной пусть утеху минутную дарят,
 Прейдет все, да, пробежит, да, все погибнет в цвету.

Умерший – пища червей, червь становится прахом. О, горе!
 Так обращается в прах гордая слава людей.
 Здесь я в могиле лежу, назывался я прежде Адамом,
 Ныне молитвы одной, как подаянья, прошу.
 Каюсь, я много грешил. Согрешившего, братья, простите,
 Отче, грехи отпусти, Господи, будь милосерд.

- ¹ “In excelsis sanitur”. И в монастыре Сен-Виктор, и в соборе Нотр-Дам эту секвенцию исполняли на рождественской службе.
- ² “И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение” (Лк 2:13-14). “В Вифлееме рожден Хлеб Небесный, чтобы восстановить ослабевший мир, и помещенный в ясли, означал, что Он Пища чистых животных. Ангелы, пришедшие с блистанием света, провозгласили Ему в вышних мир на земле, и пастухи, спешащие к яслям, по данному им знаменю, нашли Его завернутым в бедные пелены. Звезда, сияющая свыше золотым светом, побудила волхвов отправиться в путь и лучом своего блеска привела новых почитателей Бога к новой колыбели” (Hugo de S. Victore. De vanitate mundi. PL, v. 176, col. 734).
- ³ Христос “искушен во всем, кроме греха” (Евр 4:15).
- ⁴ “И появился между Богом и людьми посредник для Бога и людей Богочеловек, Бог, приближающийся к людям чрез тяготу, Человек, не отступающий от Бога чрез праведность” (Hugo de S. Victore. Homiliae in Ecclesiasten. PL, v. 175, col. 181). “Ибо стоит между нами [и Богом], то есть примиряет [нас] с Богом” (Hugo de S. Victore. Quaestiones in Epistolas Pauli. PL, v. 175, col. 560).
- ⁵ “камень...оторвался от горы без содействия рук” (Дан 2:34).
- ⁶ “Искупитель наш, Который воплотился в доме Давидовом” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). Miscellanea. PL, v. 177, col. 683].
- ⁷ “Жезл Ааронов, из дома Левиина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали” (Чисел 17:8); “И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его” (Ис 11:1).
- ⁸ “Ecce dies celebris”. Эта секвенция пелась на Светлой неделе в монастыре Сен-Виктор в Светлый понедельник, в соборе Нотр-Дам – в Светлую среду, в Соборе свв. апп. Петра и Павла (св. Женеьевы) – в Светлый вторник.
- ⁹ “Христос глава Церкви” (Еф 5:23).
- ¹⁰ “мы многие составляем одно тело во Христе” (Рим 12:5).
- ¹¹ “Разве вы не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?” (1 Кор 6:15).
- ¹² “Пасха наша, Христос, заклан за нас” (1 Кор 5:7).

- ¹³ “И пошел Самсон с отцом своим и с матерью своею в Фимнафу, и когда ходили к виноградникам Фимнафским, вот, молодой лев, рыкая, идет навстречу ему. И сошел на него Дух Господень, и он растерзал льва как козленка; а в руке у него ничего не было” (Судей 14:5-6). “Самсон означает Христа. Чрез ангела возведено рождение Самсона, и чрез ангела возведено рождение Спасителя. Самсон убил льва, и Христос умертвил диавола. Самсон из львиных челюстей извлек мед, и Христос из челюстей диавола исторг род человеческий. Воск – сердце; мед – дух. Самсон взял в жены женщину из чужого народа, и Христос [принял] Церковь Языков. Самсон поверг [врагов]-чужестранцев, и Христос поверг духовных и плотских недругов. Самсон, неся врата Газы, взошел на вершину горы, и Христос, разрушив врата ада, взошел на небо. Самсон больше врагов погубил, умирая, чем прежде убил в своей жизни, и Христос – больше [победил врагов], умирая, чем живя” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). Posteriores Excerptiones. PL, v. 175, col. 680].
- ¹⁴ “И сказал Давид Саулу: раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним, и нападал на него, и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы, и поражал его, и умерщвлял его. И льва и медведя убивал раб твой...” (1 Цар 17:34-36). “Битва Филистимлян против Израиля подходящим образом может восприниматься как сражение злых духов против Церкви Божией. Голиаф же означает гордыню диавольскую, которого Давид, то есть Христос, поверг в едином бою, и избавил народ Божий от страха перед ним. Давид убил льва и медведя, то есть диавола и Антихриста; одного, ныне скрыто строящего козни против людей, другого, после свирепствующего открыто. Гордыня бросила вызов смиренню, диавол – Христу. Давид принял оружие, которое по возрасту не мог носить, и отложил его. И взял пять камней из реки, и положил из в пастушескую суму. Так Христос, чтобы впустить и передать благодать во времена Нового Завета, отложил таинства Закона относительно плоти, которые не были предписаны язычникам.... Это оружие отложил, словно бремена Ветхого закона, и принял сам Закон. Ибо пять камней означают книги Моисея” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). Posteriores Excerptiones. PL, v. 175, col. 692].
- ¹⁵ “Дом... был полон мужчин и женщин; там были все владельцы Филистимские, и на кровле было до трех тысяч мужчин и женщин, смотревших на забавляющего их Самсона. И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже! вспомни меня, и укрепи меня только теперь, о, Боже! чтобы мне в один раз отомстить Филистимлянам за два глаза мои. И сдвинул Самсон с места два средних столба... И сказал Самсон: умри, душа моя, с Филистимлянами! И уперся всюю силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И было умерших, которых умертвил Самсон при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей” (Судей 16:27-30).
- ¹⁶ “А для вас, благоговеющие перед именем Моим, взойдет Солнце Правды и исцеление в лучах Его...” (Мал 4:2).

- 17 «“Мировый пучок – возлюбленный мой у меня” (Песнь Песней 1:12). Это Христос согласно плоти. И снова: “Как кисть кипера [Кипра], возлюбленный мой у меня” (Песнь Песней 1:13), то есть Христос согласно Своему величию. Мировый пучок – Христос в Страдании. Кисть кипера – Христос в Воскресении. Мировый пучок – горечь страдания. Кисть кипера – сладость Воскресения. Мировый пучок – множество страстей. Кисть кипера – изобилие радостей. То огорчает, это опьяняет. Однако вы мировой пучок у груди поместили, ибо восприняли Страдание Христово с радостью и любовью» [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Miscellanea*. PL, v. 177, col. 521]; “...виноградная кисть Плоти принесена была к Точилу Крестному, и, когда Ее выжали, потекло молодое Вино Божества” (Ibid. Col. 533).
- 18 “Камень, который отвергли строители, соделался главою угла” (Пс 117:22; Мф 21:42; Мк 12:10; Лк 20:17); “...так говорит Господь Бог: вот, Я полагаю на Сионе камень, камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится” (Ис 28:16); “камень же был Христос” (1 Кор 10:4).
- 19 “Lux illuxit dominica”. Эту секвенцию пели в монастыре Сен-Виктор и в Соборе свв. апп. Петра и Павла (св. Женевьевы) во вторник, а в соборе Нотр-Дам – в четверг пасхальной недели.
- 20 “Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет” (Ис 9:2; Мф 4:16). “Разве Сам Бог не есть Свет?..” (Hugo de S. Victore. *Quaestiones in Epistolas Pauli*. PL, v. 175, col. 602); “...есть свет просвещенный, есть и Свет Просвещающий. Свет просвещенный, как апостолы... Свет Просвещающий, Который Сам по Себе светит, Который и Истинный, то есть Христос” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Posteriores excerptiones*. PL, v. 175, col. 836].
- 21 “И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху до низу” (Мф 27:51; также Мк 15:38; Лк 23:45).
- 22 “Пасхальный Агнец означает Христа, ибо как в заклании агнца сыны Израиля освободились от рабства у царя Египта, так в Страдании Господнем сыны избранные освободились от рабства диавольского” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Posteriores excerptiones*. PL, v. 175, col. 656].
- 23 “...приведет он [Аарон] живого козла, и возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным в пустыню. И понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую...” (Левит 16:20-22). “Козел отпущения, который, будучи отпущен в пустыню, уносит грехи, означает Христа. Ибо Он, принесенный в Жертву на Кресте, посредством смерти отпущенный из мира, унес не только грехи одного народа, но всего мира” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Posteriores excerptiones*. PL, v. 175, col. 656].
- 24 “Salve, dies, dierum gloria”. В монастыре Сен-Виктор эту секвенцию пели в Светлую Среду, а в соборе Нотр-Дам – в воскресенье Антипасхи.

- 25 “Этот день один лучше множества, в который и ангелам, и людям чрез Христа принесены радость и торжество. Сегодня Господь сил, победив смерть, восстал из ада, и народ, Собственной Кровью искупленный, из темницы смерти исторгнутый, как Царь, ввел в Райскую ограду. Сегодня Добрый Пастырь овцу, потерянную и со многими трудами найденную, на Своих плечах в стадо возвратил и радующимся ангелам в небесах присоединил. В этот день возрадуемся с творением Божиим, которое сегодня чрез Христово Воскресение вновь получила права вечности. В этот день возликуем с чинами ангельскими, ибо сегодня их число пополняется сынами человеческими. В этот день высота небес ясностью воздуха услаждается, ибо сегодня в небесах Иерусалим, как Град, снова воздвигается. Сегодня вышние жители увеселяются, ибо чрез Христа избранные сыны человеческие к ним причисляются” (Honorius Augustodunensis. *Speculum ecclesiae*. PL, v. 172, col. 927).
- 26 “Господь отверзает очи слепым” (Пс 145:8); Господь – “Свет Истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир” (Ин 1:9).
- 27 “Велика была неустрашимость Христа, Которого Отец послал в мир, ибо Он неустрашимо достиг конца и всем управлял милостиво (Прем 15:1). Он одолел диавола, опустошил преисподнюю, уничтожил рукописание [смерти], возвратил пленника, отпустил на волю раба, Сам же остался невредим” (Hugo de S. Victore. *Adnotatiunculae in Joelem*. PL, v. 175, col. 352).
- 28 “Слово, сделавшись Плотью, подает лекарство... Лекарство в том, что Оно предложено во Искупление...” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Miscellanea*. PL, v. 177, col. 516]; “Дела восстановления суть Таинства Воплощения Слова, Которые подаются как лекарство, чтобы исправить прегрешение” (Hugo de S. Victore. *De vanitate mundi*. PL, v. 176, col. 716).
- 29 “...пойман на крючок Левиафан, и Предвидение Божие пронзило гордого” (Hugo de S. Victore. *Explanatio in Canticum B. Mariae*. PL, v. 175, col. 428); “После того как Первородитель по причине древа бросился в море мира сего, словно в водоворот кораблекрушения, и жадный Левиафан поглотил свирепой смертью весь род человеческий, угодно было нашему Искупителю поднять стяг Святого Креста и рыболовным крючком Своей Плоти связать покрытую чешуей глотку, чтобы гнусный хищник, пронзенный жалом Древа Жизни, изрыгнул тех, кого проглотил по причине запретного древа” (Honorius Augustodunensis. *Speculum ecclesiae*. PL, v. 172, col. 1002–1003).
- 30 “Христос... Добрый Пастырь, Который с небес сошел на землю, чтобы найти потерянную овцу и, найдя ее, на Своих плечах отнести к стаду Небесного Чертога...” (Honorius Augustodunensis. *Speculum ecclesiae*. PL, v. 172, col. 829).
- 31 “Salve, Mater Salvatoris / Vas”. Эта секвенция исполнялась в монастыре Сен-Виктор 8/21 сентября на праздник Рождества Пресвятой Богородицы. В соборе Нотр-Дам ее пели трижды в течение литургического года: на Благовещение, на Успение и на Рождество Пресвятой Богородицы. Как кажется, исполнение этой секвенции заменяло собой чтение акафиста Благовещению, в котором 24 песнопения по числу букв греческого алфавита. Примером по-

- добного же сокращения богослужебного текста может также служить “Псалтирь Блаж. Моники”, составленная Блаж. Августином для его матери на основе канонического текста Псалтири царя Давида.
- 32 Пресвятая Богородица уподобляется Цветку “по причине красоты” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Sermones*. PL, v. 177, col. 980].
- 33 Обычно “терновник” обозначал “Иудею”: “Как терновник розу, породила Иудея Марию, / Чтобы добродетель покрыла порок, благодать – вину” (Fulbert Carnotensis. *Hymni et carmina ecclesiastica. De Beata Virgine*. PL, v. 141, col. 345); “Иудея есть колючий кустарник, Мария – роза. И как колючий кустарник розу, так Иудея породила Марию, когда безжалостная произвела на свет [само] Милосердие” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Sermones*. PL, v. 177, col. 1104–1105]. У Адама это человечество, поврежденное первородным грехом.
- 34 “Корица... имеет приятный запах и чрез это может обозначать добрую славу Пресвятой Девы, потому что придает своей коре вид свирели, правильно изображает хвалу и действие благодати” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Sermones*. PL, v. 177, col. 1028]; “Бальзам своим запахом обозначает доброе имя Преблаженной Марии... Ибо это в высшей степени подходит Преблаженной Деве Марии, Которая несказанно наполнила весь мир благоуханием наилучшей славы” (Ibid. Col. 1028–1029); мирра отличается “приятным запахом”. “Мирра из-за своей горечи означает умерщвление плоти” (Ibid. Col. 1029); “Ладан, который имеют обыкновение приносить вместе с молитвой Предложения, означает моление, восходящее к Божественному Слуху” (Ibid. Col. 935).
- 35 В богословских сочинениях этого времени символика розы иная: “Роза из-за своего красного цвета означает мученичество. Одно мученичество бывает внутреннее, другое – внешнее. Внутреннее чрез сострадание, внешнее чрез страдание” (Ibid.); Пресв. Богородица уподобляется Розе “по причине любви или сострадания” (Ibid. Col. 980).
- 36 “Лилии из-за своей удивительной белизны подобающим образом означают целомудрие плоти” (Ibid. Col. 935).
- 37 Пресв. Богородица уподобляется Небесному Раю/Селенью “по причине благого изобилия” (Ibid. Col. 980).
- 38 “Нард – скромная травка, но весьма душистая. Правильно ей уподобляется смирение Пресвятой Девы Марии, весьма приятной сладостью которого с любовью услаждается Царь царей” (Godefridus Admontensis. *Homiliae festivals*. PL, v. 174, col. 989); “Нард есть смирение...” (Honorius Augustodunensis. *Sigillum Mariae*. PL, v. 172, col. 499).
- 39 “Слоновая кость есть зуб слона, который с умеренностью сочетается со своей самкой, и не имеет второй супруги. Это подходит стыдливим женам, которые, как известно, пребывают в жилищах из слоновой кости, когда чрез целомудрие следуют предписаниям Божиим” (Bruno Herbipolensis. *Expositio psalms*. PL, v. 142, col. 188).
- 40 “Золото – любовь к добродетели” [Hugo de S. Victore (?). *Miscellanea*. PL, v. 177, col. 495]; “Как золото прочие металлы, так любовь прочие добродетели превосходит” (Ibid. Col. 870).
- 41 Единственное чудо, связанное с именем Адама, записано доминиканцем Фомой из Кантимпрэ: «...досточтимый наставник Адам, каноник [монастыря] Сен-Виктор в Париже, в то время как он диктовал секвенцию “*Salve, Mater Salvatoris*”, произнес следующий стих песнопения, а именно: “*Salve, Mater Pietatis, / Et totius Trinitatis / Nobile Triclinium*”. Преславная Дева, явившись ему, и словно бы благодаря за хвалу и почесть, пока он размышлял, приветствуя его, склонила голову в глубочайшем смирении» (Fassler M.E. *Who Was Adam of St. Victor? The Evidence of the Sequence Manuscripts // Journal of American Musicological Society*. 1984. V. 37. P. 233 note). Алан Лилльский цитирует эту строфу без упоминания имени Адама (Alanus de Insulis. *Distinctiones dictionum theologiarum*. PL, v. 210, col. 980).
- 42 “*Laudes crucis attolamus*”. В церквях Парижа эту секвенцию пели на праздник Обретения Св. Креста Господня (3 мая).
- 43 “Крест Этот был знаком победы над диаволом” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Miscellanea*. PL, v. 177, col. 636].
- 44 Адамово символическое объяснение “Лестницы Иакова” как образа Креста довольно необычно. Оно может восходить к параллели между Иаковом и Христом, сном Иакова и Крестными муками Христа, которую проводит Ансельм Ланнский, наставник Виллельма из Шампо, основателя монастыря Сен-Виктор. “Иаков... означает или изображает Христа. Ибо сон Иакова в пути означает смерть или страдание Христа на Кресте” (Anselmus Laudinensis. *Ennarationes in Matthaum*. PL, v. 162, col. 1235).
- 45 “Если Крест обращается к земле, доказывается, что Он протягивается к востоку, югу, северу, западу, ибо четыре части мира Крестом отмечаются для Царства Христова” (Honorius Augustodunensis. *Speculum ecclesiae*. PL, v. 172, col. 946).
- 46 “Скала, Которая от удара жезлом излила воду людям, означает Христа, Который, приняв страдание на Крестном Древе, подал нам благодать Искупления” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Posteriores Excerptiones*. PL, v. 175, col. 656].
- 47 «Рабы Бога нашего на челе имеют знамение [Креста] и могут избежать приговора гибели, если только они защищены знаменем Креста Христова в виде “Тау”. Крест на груди, вера в сердце; крест на челе, исповедание на устах; и то и другое должно быть, и то и другое требуется» (Hugo de S. Victore. *Epistolae*. PL, v. 176, col. 1016).
- 48 “Женщина-сарептянка собрала два куска древа, так как выразила этим, что языческие народы впоследствии примут веру в страдание Христово” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Sermones*. PL, v. 177, col. 1207]; “Вдова-сарептянка обозначает Церковь, Которая была вдовой, пока ожидала Пришествия Христова. Пророк Илия пришел ко вдове, как Христос посредством таинства Во-

площения пришел к Церкви. Женщина же собрала два куска древа, когда Святая Церковь приняла веру в Страдание Христово. Модий муки означает неполноту знания о Божественном, а малое количество масла выражает недостаточность благодати. Пришел Илия, и вдоволь стало муки и масла, ибо в Пришествии Христовом увеличилось знание, и увеличился дар благодати” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Posterioriores Excerptiones*. PL, v. 175, col. 709].

- 49 Современники Адама знали об этом событии следующее: «Константин... Великий... правил тридцать два года... В Риме же солдатами-преторианцами Максентий, сын Максимиана Геркулея, был поставлен императором; он после жил в столь великой гуще пороков, что никакое ужасное преступление не было чуждо его жизни или деяниям. Когда Константин завершил седьмой год своего правления, против Максентия он приготовил войну, и с ним тайно сговорился его единомышленник Лициний. И когда многое из необходимого для неминуемой войны исследовал, он увидел во сне в небе знак Святого Креста... то есть “Tau”, и ангелов, Ему предстоящих и говорящих: “Сим знаменем ты победишь”. И, проснувшись, он изобразил знак, который он увидел, на военном стяге» [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Excerptiones allegoricae*. PL. v. 177, col. 253].
- 50 Битва Константина и Максентия закончилась следующим образом: “Когда недалеко от Мильвийского моста (один из важнейших мостов на Тибре в северной части Рима) Константин разбил лагерь, Максентий, побуждаемый яростью, выйдя из Города по мосту, составленному из кораблей, поспешил ему навстречу с враждебными намерениями. Когда обе стороны ожесточенно сражались и войско Максентия силой Святого Креста было повержено, Максентий пожелал вернуться в Город и, спасаясь бегством, взшел на мост, составленный из кораблей, о котором мы сказали. Корабли немедленно опустились на дно, и он сам погиб, поскольку его конь упал, погрузившись в глубину реки. Тогда Константин, ликуя, вошел в Рим...” (Ibid. Col. 253–254).
- 51 “...царь персов Хосров взял Дамаск и опустошил Иерусалим, и почитаемые места, которые были в нем, сжег, и множество людей взял в плен вместе с патриархом этого города Захарией, и Драгоценное Древо Креста Христова увез с собой в Персию. Ираклий победил военачальников Хосрова Сарабагу и Сабазу, Саина и Разата и захватил множество крепостей. Наконец, Хосров был схвачен им и брошен в темницу, где и умер. Совершив это, Ираклий вернулся в Византию, неся с собой Святое Древо Креста Господня. Затем он щедро награждал воинов и, немного отдохнув, снова привез Древо Святого Креста в Иерусалим...” (Ibid. Col. 270).
- 52 “Древо Крестное есть Древо Жизни в Раю, то есть в Церкви, посаженное у потока вод, то есть у течения Писаний; ибо Страдание Крестное совершилось по предсказаниям пророков. Плодом Этого Древа является Христос, на Нем висящий; кто вкусит от Его Плоти, не умрет в вечности. Добавляют об Этом Древе, что Оно даст Свой Плод в свое время. Древо Крестное принесло Плод в свое время, когда во время страдания Оно несло Христа ради блага Искуп-

- ления человечества. Христос также в Свое время принес Свой Плод, когда в день Воскресения подал верным радость Вечного ликования; в Свое время принес Свой Плод, когда в день Вознесения людей перенес на небо. Крест в Свое время принесет Плод, когда, явившись в день Судный, явит Христа, пострадавшего за род человеческий” (Honorius Augustodunensis. *Expositio in Psalmos*. PL, v. 172, col. 277).
- 53 “Лист Древа есть учение о Кресте Христова Страдания...”; “Древо Жизни есть Крест, несущий Христа, Плод Жизни” (Ibid.).
- 54 “Святой Крест сделался для нас Ключом Неба” (Honorius Augustodunensis. *Speculum ecclesiae*. PL, v. 172, col. 1001).
- 55 “Rex Salomon fecit templum”. Эту секвенцию пели на отдание Праздника Освящения Храма Господня в Иерусалиме.
- 56 “Соломон построил храм, и Христос построил Церковь” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Posterioriores excerptiones*. PL, v. 177, col. 705].
- 57 Текстов, рассказывающих о строительстве и освящении храма Соломонова, немного; в проповедях, произнесенных на праздник Обновления Храма Воскресения в Иерусалиме (13 сентября), в основном проводится мысль о том, что христианин должен созидать храм Божий в самом себе. Интересно, что символика Адамовой секвенции восходит к проповеди прп. Илария Пиктавийского (ок. 315 – ок. 368). “Писание повествует, что царь Соломон предписал, чтобы поднимали огромные камни в основание храма и придавали им четырехугольную форму. А огромные драгоценные камни, которые были помещены в основание, несли всю тяжесть поставленного на них храма, означают выдающихся Учителей Святой Церкви, весьма великих необыкновенными заслугами, драгоценных славой знамений, которые, услышав Слово от Самого Господа, все строение возрастающей Церкви породили своей проповедью. Эти камни царь приказал сделать четырехугольными, чтобы они обозначали, что наставники Церкви должны быть умеренными в обычаях и невозмутимыми духом. Как четырехугольный камень, как бы ни поворачивался, будет устойчив, так и жизнь совершенных мужей, усердно направляемая к пределу истины, никакими побуждениями соблазнов не может лишиться своей неизменности” (Hilarius Pictaviensis. *Sermo de dedicatione Ecclesiae*. PL, v. 10, col. 881).
- 58 “Храм Божий был возведен из паросского мрамора, то есть из белого камня, чтобы он выражал белизну Церковного целомудрия...” (Ibid.).
- 59 “Длина храма означает веру Святой Церкви, посредством которой Церковь с долготерпением среди своих добрых дел противление нечестивцев выносит; ширина означает любовь, посредством которой Церковь распространяется внутрь чрез недра милосердия; высота означает надежду, посредством которой ради добрых дел, которые совершаются любовью, ожидают награды Небесной жизни” (Ibid. Col. 882).
- 60 У прп. Илария говорится о неких помещениях храма, расположенных друг над другом, – “земляная комнатка”, “верхнее здание”, “самое верхнее здание”. О символическом значении “земляной комнатки” ничего не говорится,

- а символика двух остальных объясняется. “Верхнее здание поднимается высь на 30 локтей, ибо души людей, достигших совершенства, освобожденные от тел, вплоть до дня Всеобщего Суда наслаждаются ныне созерцанием Блаженной и Нераздельной Троицы”. “Самое верхнее здание имеет высоту в дважды 30 локтей, ибо все избранные, восстав из мертвых, будут радоваться созерцанию Того же своего Создателя, Который есть Бог, Единый в Трех Лицах и вместе с тем Бессмертный Дух, и бессмертию плоти” (Ibid.). Как кажется, трехчастное деление храма у Адама соответствует народной картине мира.
- 61 “Храм имел 60 локтей в длину, 20 в ширину, 30 в высоту. <...> Правильно [храм имел] 30 локтей в вышину, ибо вся надежда избранных к созерцанию Святой Троицы, насколько может, себя упражняя и очищая, спешит. <...> Строение поднимается на 30 локтей в вышину, ибо Церковь века сего к созерцанию Образа Святой Троицы всем усилием поднимается” (Ibid.).
- 62 “[Праведные мужи] переполнены благоуханием духовных желаний, пылают огнем непрестанной любви, и поставленные, словно небесный хор, сладчайший дым своей молитвы внутри Горней Скинии испускают” (Ibid.); “Предписывалось, чтобы плоды деревьев, которые приносятся как Дары Предложения в Доме Божиим, были весьма чисты и отобраны. То есть виноградной лозы, оливы, ладана, мирры, или миррового масла, и прочих такого же рода: все они, понимаемые в духовном смысле, обозначают истинную чистоту нашей веры и деяний” (Ibid. Col. 881). См. также примеч. 34 и 38 к секвенции “О Пресвятой Богородице”.
- 63 “Лучшее золото еще принесли от сокровища благого, которым покрыты стены снаружи и внутри, не только стены храма, но и филенчатые потолки, балки, двери, столбы и полы были покрыты. Но и сосуды, и вся почти утварь обоих зданий была из золота, и из чего же, если не из чистейшего золота ее подобало изготовить” (Ibid.); “Царь послал также золото, то есть мужей, славных мудростью и знанием, за которые он ожидал дары Небесной благодати. В храме все было покрыто золотом, ибо в Святой Церкви всего коснулась любовь... Врата храма были позолочены, ибо Отцы Ветхого Завета любовью угодили Богу. Позолочен был и сам храм, ибо эта любовь разлита в наших сердцах. Позолочена и внутренность здания, ибо в Небесном Отечестве царит любовь. Золотой жертвенник, то есть Священное Писание, славен постижением духовного смысла. Различные сосуды храма суть различные души, исполненные разных даров Святого Духа” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Posteriores excerptiones*. PL, v. 177, col. 705–706]. Ср. также стих из Книги Премудрости Соломоновой: “Он испытал их как золото в горниле и принял их как жертву всесовершенную. Во время воздаяния им они воссияют как искры, бегущие по стеблю” (3:6-7).
- 64 “При строительстве храма были мастера – каменотесы, резчики по дереву; при устройении Церкви были мастера – проповедники и учителя” [Auctor incertus (Hugo de S. Victore?). *Posteriores excerptiones*. PL, v. 177, col. 705].
- 65 “...и то и другое здание [скиния Моисеева и храм Соломонов]... предполагают образ Вселенской Церкви. <...> Ибо построено два Дома [Божия] для обозначения двух народов, а именно: иудеев и язычников, которые должны были в будущем обратиться в одну веру” (Hilarius Pictaviensis. *Sermo de dedicatione Ecclesiae*. PL, v. 10, col. 881).
- 66 “Камень... Который сделался главою угла” (Ср. Мк 12:10, 1 Петр 2:7).
- 67 “*Animemur ad agonem*”. Память св. мученицы Агнеты (Агнии) 21 января.
- 68 Гонорий Отунский (ум. 1151), современник Адама, в своем трактате “Зерцало Церкви” предлагал следующий план проповеди на праздник св. Агнеты: “...лицом прекрасная, благородством богатая; когда сын префекта Рима просил ее в жены и предложил ей многие дары золота и драгоценных камней, она презрела их, как нечистоты, ибо любила Одного лишь Творца Жизни. И префект приказал, чтобы ее схватили и обнаженной отвели в дом разврата. Тут же ангел облачил ее в блистающее одеяние, по причине которого в доме разврата воссиял весьма яркий свет. Сын префекта, придя туда с товарищами, вошел дерзко и тотчас же испустил дух, удушенный диаволом. В то время как народ восклицал и сбегался отовсюду, Агнета помолилась Богу, и ангел воскресил юношу. После этого ее ввергли в огонь, но она не только не пострадала, но и пламя погасло. После этого, усеченная мечом, она сделалась мученицей” (Honorius Augustodunensis. *Speculum ecclesiae*. PL, v. 172, col. 859–860).
- 69 Именно на это чудо обращает внимание Гуго Сен-Викторский в своем трактате “О тщете мира сего”: “Агнета среди языков пламени прошла неустрашимо, чтобы природа подивилась полу и возрасту, сильному подвигом мученичества...” (Hugo de S. Victore. *De Vanitate Mundi*. PL, v. 176, col. 737).
- 70 Дочь Константина Великого Констанция исцелилась от тяжелой болезни на гробе св. Агнии, устроив в благодарность на месте погребения ее церковь во имя св. мученицы, а затем и девичий монастырь.
- 71 “Расцветающая роза – алым цветом мученичества – и лилия – белизной целомудрия, Агнета, драгоценную главу которой почитаем, да введет нас на брачный пир Христов” (Ioannes diaconus. *Sermones*. PL, v. 162, col. 1167).
- 72 “*Naeres peccati, natura filius irae...*” По преданию, медная пластинка с этой эпитафией, прикрепленная на могиле Адама, сохранялась до разрушения монастыря Сен-Виктор во время Великой французской революции. Последние четыре строки написаны не Адамом, а Жаном Коррардом, также викторинцем, и добавлены к эпитафии около 1520 г. (*Oeuvres Poétiques d'Adam de S.-Victor / Ed. L. Gautier. P., 1858. P. 449–451*).

Перевод с латинского и комментарий М.Р. Ненароковой